

The background of the cover features a pocket watch on the left side, showing a face with numbers 1 through 12 and a small seconds sub-dial. A metal chain is attached to the watch. The right side of the cover is dominated by a blue, draped fabric that creates deep folds and highlights, giving it a three-dimensional appearance. The overall color palette is dark, with the blue of the fabric and the gold/brass of the watch providing contrast.

Диана  
Сеттерфилд

БЕЛЛМЕН  
и БЛЭК,

ИЛИ

ЧЕЗНАКОМЕЦ  
В ЧЕРНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Диана Сеттерфилд

**Беллмен и Блэк, или  
Незнакомец в черном**

«Азбука-Аттикус»

2013

## Сеттерфилд Д.

Беллмен и Блэк, или Незнакомец в черном / Д. Сеттерфилд —  
«Азбука-Аттикус», 2013

Впервые на русском – долгожданный новый роман Дианы Сеттерфилд, прославленного автора «Тринадцатой сказки», признанного шедевра современной английской прозы, который заставил критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дю Морье. В детстве Уильям Беллмен убивает из рогатки грача; невозможный, через все поле, выстрел тем не менее попадает в цель. Поступок этот вскоре забывается, но имеет непредсказуемые и трагические последствия через много лет, когда Уильям уже вырос, стал уважаемым человеком, счастливо женатым, с четырьмя детьми. Ведь грачи не забывают ничего... И вот ночью, на кладбище, Уильям заключает невероятную сделку с незнакомцем в черном, таинственным образом вошедшим в его жизнь; сделку, которая навсегда изменит судьбу Уильяма.

© Сеттерфилд Д., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

## Содержание

&	11
Часть первая	12
1	12
2	16
3	19
4	21
5	24
6	26
7	28
8	31
9	33
10	35
11	37
12	39
&	46
13	47
14	51
15	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

# Диана Сеттерфилд

## Беллмен и Блэк, или Незнакомец в черном

*Посвящается моим родителям, Полине и Джеффри Сеттерфилд, от которых, помимо прочего, я получила всю необходимую информацию о рогах*

*Вам стоит понаблюдать за грачами.<...>  
Но не заблуждайтесь, думая, что знаете этих птиц.  
Грачи окутаны дивным небесным покровом тайны.  
Они вовсе не те, кем кажутся.*

**Марк Коккер. Воронья страна<sup>1</sup>**

«Тринадцатая сказка» разошлась по всему миру многомиллионным тиражом; второго же романа Дианы Сеттерфилд пришлось ждать много лет. Так стоило ли ожидание того? Категорически да! «Беллмен и Блэк» – роман гораздо более зрелый, умелый, масштабный, многоуровневый; и он несравнимо больше, чем просто история о призраках...

*Historical Novelist Society*

Эта завораживающая, в самом буквальном смысле слова, книга останется с вами еще долго после того, как перелистнута последняя страница.

*Edinburgh Evening News*

Долгожданный второй роман невероятно талантливого автора... Диана Сеттерфилд придумала свой собственный жанр. И самое восхитительное, что вы так и не можете уверенно сказать до самого конца, есть там призраки или нет... Только Хилари Мантел умеет так же ловко, непринужденно вплетать в ткань повествования столько интересных фактов...

*Irish Independent*

Тонко выделанный роман, который лишит вас сна и покоя... Идеальное чтение в сгущающихся сумерках.

*Oxford Mail*

Крайне оригинальная трактовка готического романа... Герои выписаны как живые, а действуют как в сказке.

*Big Issue*

Мне доводилось слышать – но лишь от тех, кто не может знать это доподлинно, – что в последние секунды пребывания человека в нашем мире вся его жизнь разом проносится перед мысленным взором. По сему случаю какой-нибудь циник мог бы заметить, что предсмертные мгновения Уильяма Беллмена наверняка были посвящены ревизии длинной череды счетов, контрактов и деловых операций, составлявших суть его бытия. На самом же деле, когда он приблизился к границе с миром иным – к той границе, которую рано или поздно суждено перейти каждому из нас, – мысли его сосредоточились на людях, уже канувших в неведомое: жене, троих детях, дяде, кузене и некоторых друзьях детства. А после того как он припомнил всех утерянных близких, остался еще какой-то миг на самое последнее воспоминание перед кончиной. И в этот миг из глубин его сознания всплыло нечто, погребенное там около сорока лет назад: история с грачом.

Дело было так.



Уиллу Беллмену исполнилось десять лет и четыре дня от роду, и празднование первого в жизни юбилея было еще свежо в его памяти. Он с друзьями гулял по краю поля, отделявшего речной берег от леса; то же поле облюбовали грачи, с шумным хлопанием крыльев садясь на землю и деловито ковыряя ее в поисках червей и личинок. С Уиллом был его кузен Чарльз, которому предстояло со временем унаследовать Беллменскую фабрику. Их отцы приходились друг другу родными братьями – все вроде просто и ясно, да только простотой в тех семейных отношениях и не пахло. Третьим в их компании был Фред, старший сын владельца пекарни. А родня его матери владела молочными фермами и маслобойнями. Утверждали, что никто из детей в Уиттингфорде не питается лучше Фреда, и в это легко верилось, ибо выглядел он взращенным исключительно на сдобных булочках со сливками. Белозубый, мясистый и широкий в кости, он любил поговорить об отцовской пекарне как о своей будущей собственности. Еще там был Люк, сын кузнеца, который и не надеялся хоть что-то унаследовать, имея целую толпу старших братьев. Его медно-рыжие волосы виднелись за милю – понятно, в тех случаях, когда их не покрывал толстый слой грязи. От школы он предпочитал держаться на безопасной дистанции, не видя никакого смысла в ее посещении. Если тебе вдруг захочется получить взбучку, дома ее зададут ничуть не хуже, чем в школе. Посему от родных стен он также держался подальше, разве что совсем оголодает. Когда не удавалось добыть еду попрошайничеством, он кормился плодами садов и огородов, а когда спелых плодов не было, воровал все подряд. Надо же мальчику что-то есть. При этом он питал самые теплые чувства к маме Уильяма, которая иногда давала ему хлеб и сыр, а однажды даже позволила обглодать куриный костяк.

До начала этого лета каждый из мальчишек жил своей жизнью, но затем что-то свело их вместе, и этим «чем-то» был возраст. Все они родились в один год и даже в один месяц, и с преодолением десятилетнего рубежа эта символическая годовщина воздействовала на них как сила взаимного притяжения. Но не только дружба регулярно собирала их в зарослях или на прибрежных лугах в те августовские дни. Была еще и тяга к состязаниям.

Они бегали наперегонки, взбирались на деревья, устраивали потешные бои и турниры по рукоборью. И с каждым ярдом они бежали все быстрее; и каждая ветка на пути к вершине открывала перед ними новые горизонты. Они подбивали друг друга на все более рискованные затеи и всегда были готовы принять вызов. Они не обращали внимания на царапины и ссадины; синяки были для них знаками чести, а шрамы приравнивались к боевым наградам. Каждую минуту каждого дня они подвергали себя новым испытаниям перед лицом этого мира и друг друга.

В возрасте десяти лет и четырех дней Уилл был доволен как этим миром, так и самим собой. Он знал, что еще не скоро станет мужчиной, но он уже не был и маленьким мальчиком. На протяжении всего лета, просыпаясь под рассветный галдеж грачей на деревьях позади маминого дома, он чувствовал, как день за днем прибывают его силы. Он уже перерос свой дворик и сад; теперь его владения становились окрестные поля, лес и река, а заодно и небесный свод над ними. Ему еще многое предстояло узнать, но он верил, что сделает это так же, как до сих пор усваивал все в своей жизни, то есть легко. А пока что, в процессе познания, он мог вволю упиваться этим новым, волнующим чувством всевластия.

– Спорим, я сшибу вон ту птицу. – Уилл выбрал цель на ветке отдаленного дерева.

То был один из дубов, росших по соседству с его домом; да и сам дом был виден отсюда, наполовину скрытый живыми изгородями.

– Спорим, не собьешь! – сказал Люк, только что взобравшийся на береговой откос, и обернулся к приятелям, указывая пальцем. – Уилл хочет сбить птицу с того дерева.

– Слабо ему! – хором откликнулись Фред и Чарльз, но поспешили приблизиться, чтобы не прозевать попытку.

Птица, ворона или грач, находилась явно вне досягаемости выстрела из рогатки – снаряду пришлось бы пролететь добрых полполя.

Уилл достал из-за ремня свое оружие, а затем устроил целое шоу из поиска подходящего камня. Принято считать, что наилучшие метательные снаряды сами по себе обладают некой мистической силой. Поэтому среди ребят высоко ценилось умение выбрать «правильный» камешек, а споры относительно их качеств – размера, гладкости, структуры и цвета – могли длиться часами. Стекланные шарики, конечно, были вне конкуренции, но мало кто был готов рискнуть потерей такой ценной вещи. В глубине души Уильям был уверен, что для стрельбы в равной мере годится любой голыш подходящего размера, но он не хуже сверстников понимал важность мистификаций и воспользовался этим, чтобы потянуть время.

Между тем друзья занялись изучением рогатки Уилла, который перед началом поиска передал ее своему кузену. Чарльз взял рогатку не глядя, но затем почувствовал, как удобно она легла в руку, и заинтересовался. Первым делом в глаза бросалась ее форма: почти безупречная буква Y. Такое редко увидишь в природе – можно обыскать хоть весь лес и не найти развилины настолько симметричной. Уилл парень глазастый, это факт.

Фред в свою очередь произвел осмотр. При этом он наморщил лоб, опустил уголки рта и в целом имел такой вид, будто рассматривает кусок сливочного масла весьма сомнительного качества.

– Это не орешник, – объявил он.

– Орешник легче резать, только и всего, – отозвался Уилл, не поднимая головы, все еще в процессе поиска. – Но это не значит, что он лучше других подходит для рогатки.

А повозиться в тот раз ему пришлось изрядно: предварительно наточив нож, он вскарабкался по ветвям и терпеливо пилил твердую древесину под развилкой, ранее заprimeченной с земли. Бузина была достаточно старой, чтобы набрать должную крепость, но еще достаточно молодой для сохранения упругости.

Кожепок был ребятам знаком: Уилл взял его со своей прежней рогатки. Вырезанный из язычка от старого ботинка, он был по центру рассечен несколькими аккуратными надрезами, чтобы перед выстрелом кожа растягивалась и плотнее охватывала снаряд. А вот другая деталь конструкции оказалась им в новинку. В местах крепления резиновых жгутов к концам развилины Уилл прорезал неглубокие желобки шириною в дюйм. Жгут был привязан по центру каждого желобка, остальная часть которого, ниже и выше узла, была обмотана несколькими слоями бечевки, плотно прилегающей к узлу. Чарльз восхищенно провел пальцем по креплению. Сделано ловко, спору нет, но практической пользы он здесь не увидел.

– Зачем это нужно? – спросил он.

Люк взял у него рогатку и также пощупал крепления, оценивая качество работы.

– Это для того, чтоб узел не сдвинулся, верно? – спросил он.

Уилл пожал плечами:

– Я сделал так на пробу. Пока что прицел ни разу не сбился.

До того дня мальчишки и не подозревали, что рогатка может быть настолько идеальной. Считалось, что точные либо никудышные рогатки получаются божьим изволением, по воле случая. Всякий раз, создавая новую рогатку, ты мог полагаться лишь на удачу, и шансы были пятьдесят к одному, что удача повернется к тебе спиной. Но в рогатке Уилла не было ничего случайного. Она являлась произведением искусства, плодом творческой мысли, воплощенной в жизнь.

Люк проверил упругость жгутов – в самый раз, не слишком туго и не слишком слабо. Однако он не устоял перед искушением внести хоть какой-то свой вклад в это завидное творение и, поплевав на пальцы, любовно смазал жгуты слюной, чтобы добавить им эластичности.

Когда Уилл наконец нашел подходящий голыш, он взглянул в сторону дуба и с удивлением обнаружил птицу на месте. Забрав у приятелей рогатку, он вложил камень в кожеток. Стрелял он отменно. Глаз его был верен, рука тверда, навыки отработаны.

Однако птица была чересчур далеко.

Переводя взгляды с оружия на цель, мальчишки ухмылялись и покачивали головами. Похвальба Уилла была настолько нелепой, что он и сам был готов посмеяться за компанию. Но потом дали о себе знать десять лет наблюдений, исследований, роста и обретения силы – и он перестал слышать звуки, издаваемые приятелями.

Пока его глаза проводили дугу – невероятную дугу – между снарядом и целью, его мозг рассчитывал и выверял будущие движения, осуществляя тонкую настройку каждого. Ступни его слегка сместились, равномернее распределяя вес тела; мышцы ног, спины и плеч пришли в готовность; пальцы поудобнее перехватили рукоять; руки поднялись и замерли в позиции для выстрела. После этого он плавно натянул рогатку.

В момент пуска камня – нет, чуть ранее, в ту секунду, когда уже нельзя было остановить пуск, – он познал ощущение совершенства. Мальчик, рогатка, камень. Он понял, что не промахнется, – и снаряд взмыл ввысь.

Камню потребовалось много времени для того, чтобы пролететь по заданной траектории. Или же Уильяму так показалось. В этот временной промежуток он успел понадеяться, что птица снимется с ветки еще до подлета камня, который упадет на землю, никому не причинив вреда, а грач отзовется с неба насмешливым хохотом.

Но черная птица не шелохнулась.

Камень достиг верхней точки траектории и начал снижение. Мальчишки притихли. Уильям молчал. Вселенная замерла. Двигался только камень.

«Еще есть время, – думал Уильям. – Я могу криком спугнуть птицу, и она улетит». Однако язык будто прилип к небу, а момент все тянулся – долго, медленно, мучительно.

Камень завершил свой полет.

Черная птица рухнула наземь.

Друзья потрясенно уставились на опустевшую ветку. Неужели это случилось? Так не бывает! Однако же они видели все своими глазами... Три головы повернулись к Уильяму. А он все не мог оторвать взгляд от того места, где только что находилась птица. Перед глазами все еще был момент ее падения, и теперь он пытался осмыслить случившееся.

Фред прервал это минутное оцепенение громогласным воплем, и трое мальчишек припустили через поле к дереву; Люк сразу отстал, по своему обыкновению спотыкаясь о корни и борозды. Уильям опомнился и, последовав за ними с опозданием, застал друзей сидящими на корточках под деревом. Они раздвинулись, чтобы продемонстрировать ему картину.

Там, на траве, лежала птица. Грач. Птенец-первогодок, с еще не посветлевшим клювом. Значит, это была правда. Он это сделал.

Уилл внезапно ощутил в груди странную перемену, словно один из органов был удален, а вместо него внедрено что-то другое, совершенно чуждое. Это чувство, прежде ему неведомое, распространилось из груди по всему телу, набухло в голове, забило уши, приглушило голос, достигло пальцев на руках и ногах. Озадаченный и растерянный, он не издал ни звука, а меж тем чувство укоренилось в нем, превращаясь в некую постоянную величину.

– Может, похороним птицу? – предложил Чарльз. – Устроим погребальную церемонию.

Идея таким образом отметить необычайное событие пришлась им по душе. Уже в ходе обсуждения деталей Люк – с пугливой осторожностью, вызвавшей смех у приятелей, – взялся за кончик крыла и расправил его на траве. Солнечный луч, пробившийся сквозь листву, упал на мертвую птицу, и вдруг черное оказалось не черным, заиграв чернильными переливами синего, фиолетового и зеленого. Эти краски вели себя не так, как положено обычным краскам.



Они смещались и мерцали с живостью, тревожащей глаз и воображение. В тот момент каждый из мальчишек подумал, что птица, может, и не умерла, – однако она была мертва. Мертвее некуда.

Троица вновь уставилась на Уилла. Эта красота тоже принадлежала ему.

Осмелевший Люк поднял птицу с земли:

– Грраа!

Он сделал резкий выпад трупиком в сторону Фреда и Чарльза – но не в сторону Уилла, – и оба отпрянули с испуганным криком, тотчас перешедшим в смех. Следующим с мертвой птицей поиграл Фред, держа ее за основания крыльев и имитируя полет, сопровождаемый искусным подражанием грачиному крику. Уилл выдавил смешок. Он еще не оправился после неприятной внутренней пертурбации, и легкие работали с трудом.

А спустя минуту Фреду вдруг стало как-то не по себе. И все они почувствовали то же самое. Вялое птичье тельце, повисшая голова, беспомощно растопыренные перья... Содрогнувшись, Фред бросил грача на траву.

Никто уже не думал о погребальной церемонии. Вместо этого они занялись поисками сразившего птицу камня, который отныне приобретал особую значимость. Они долго шарили вокруг дерева, подбирая и бракуя то один, то другой камешек.

– Нет, этот слишком велик, – соглашались они.

– Этот не того цвета.

– На этом нет пятнышка, как на том.

Найти снаряд так и не удалось. Свершив чудо, камень утратил свою исключительность и теперь где-то валялся, неотличимый от множества ему подобных.

Впрочем, как заметил Чарльз (и все с ним согласились), заслуга принадлежала вовсе не камню. Дело сделал Уилл, и только он.

Снова и снова они пересказывали эту историю и разыгрывали ее в лицах, по ходу дела убив из воображаемых рогок несметное число воображаемых грачей.

Уилл оставался почти безучастным слушателем и зрителем. Как всякий десятилетний герой, он получил более чем достаточно дружеских подзатыльников и хлопков по спине. Он улыбался, но на душе было тоскливо. Он испытывал гордость, смущение, чувство вины. Он ухмылялся и возвращал приятелям тычки, но без азарта, просто в силу традиции.

Солнце опускалось к горизонту, небо приобрело холодный стальной оттенок, тем самым напоминая, что осень уже не за горами. Все проголодались, пора было по домам. И друзья разошлись.

Уилл жил ближе всех к этому месту – до уютной маминной кухни были считанные минуты ходьбы.

На вершине земляной насыпи что-то побудило его оглянуться туда, где они оставили убитую птицу. Оказалось, что сразу же после ухода ребят там начали собираться грачи. Полтора-два десятка их описывали круги над дубом, и все новые птицы подлетали с разных направлений. Россыпью темных точек они скользили по небу и рассаживались на ветвях дерева. Обычно такие сборища сопровождаются галдежом, подобным шуму высыпаемого с тележки гравия. Но сейчас этого не было: все происходило в напряженном, нарочитом молчании.

И каждый грач на каждой ветке смотрел в его сторону.

Уилл спрыгнул с насыпи и помчался домой – быстрее, чем он бегал когда-либо прежде. Лишь ухватившись за ручку двери, он решился еще раз взглянуть назад. В небе теперь не было ни единой птицы. Он посмотрел на дуб, но с такого расстояния, да еще против заходящего солнца, трудно было разобрать, где грачи, а где просто листва и есть ли там грачи вообще. Быть может, ему лишь почудился этот многоглазый взгляд?

Зато человеческую фигуру в тени дуба – там, где недавно стоял он сам, – Уилл разглядел вполне отчетливо. Сперва он подумал, что кто-то из приятелей вернулся к дереву, но фигура

была слишком низкой для Чарльза, слишком худой для Фреда и не имела огненной шевелюры Люка. К тому же – если не списывать это на контраст света и тени – мальчик под деревом был одет во все черное.

А мгновение спустя он исчез – должно быть, пошел по тропе напрямик через лес, подумал Уилл.

Он повернул дверную ручку и перешагнул порог.

– Что случилось? Ты будто сам не свой, – сказала мама, увидев его.

В тот вечер Уильям, против обыкновения, был очень тих и показался маме нездорово побледневшим. Ее расспросы ни к чему не привели, и она поняла, что сын стал достаточно взрослым для того, чтобы иметь свои тайны.

– Подумать только – всего неделя осталась до вашего с Чарльзом отъезда в школу.

Когда мама стала рядом, наливая в тарелку суп, Уилл слегка привалился к ее боку, а когда она обняла его за плечи, не стал отстраняться с возмущенным напоминанием, что ему уже десять лет. Неужели ее бесстрашный сын так нервничает из-за предстоящей учебы в оксфордском интернате? В спальне мама укрыла его дополнительным пледом, хотя было еще не холодно, и оставила у кровати горящую свечу. Вернувшись через час, чтобы поцеловать Уилла на ночь, она взглядела в лицо спящего. Какой же он бледный! Даже трудно узнать, словно это не ее сын. Дети в его возрасте на удивление быстро меняются.

«Ему всего лишь десять, а я уже его теряю, – с горечью подумала она, а за этой мыслью острой болью пронзила другая. – Если только уже не потеряла».

Наутро Уильям проснулся больным и до середины следующей недели пролежал пластом, пока мама хлопотала вокруг. И в те самые дни, когда кровь, казалось, вот-вот закипит в его венах, когда пот лил ручьями, а боль исторгала из него жуткие вопли, Уильям вложил все накопленные к десяти годам силы и опыт в наитруднейшее деяние из всех им дотоле предпринятых – в попытку забыть.

И в этом он почти преуспел.

## &

Грач кажется существом вполне заурядным, пока вы не приглядитесь к нему внимательно.

Его оперение – одна из самых неординарно красивых вещей, сотворенных природой. Как заметили в тот день ребята, перья грача могут мерцать, переливаясь чуть ли не павлиньей радугой красок, хотя на самом деле в них нет синего, фиолетового или зеленого пигментов. Атласная чернота головы и спины сменяется на груди и ногах более мягким и глубоким бархатно-черным цветом. Грач не просто черен – он чернее самой черноты. В нем присутствует невероятный переизбыток черного, не наблюдаемой ни в одной другой живой твари. Он – сама суть черноты.

Откуда же тогда берется эта игра красок?

Дело в том, что грач чем-то сродни волшебнику. Его черные перья способны создавать поразительный оптический эффект.

«Ага! – скажете вы. – Выходит, это всего лишь иллюзия».

Отнюдь. Грач не имеет ничего общего с фокусником, достающим из цилиндра всякую всячину и заставляющим вас видеть то, чего реально не существует. Грач, напротив, является волшебником реальности. Спросите собственные глаза, какого цвета солнечный луч? Они не смогут вам ответить. А грач может. Он ловит свет, расщепляет его, кое-что впитывает, а остальное излучает, демонстрируя фантастические возможности оптики, показывая вам истинный свет, который ваши бедные глаза узреть не в силах.

Но колдовская игра красок – не единственный трюк, сокрытый в грачином оперении. Хотя это и большая редкость, но некоторым счастливицам доводилось быть свидетелями такого зрелища: ярким летним днем грач, в полете разворачиваясь против солнца, внезапно меняет свой цвет с черного на ангельски-белый, с зеркальным отблеском, и несколько мгновений ослепительно сияет в своей торжествующей белизне.

Принимая во внимание необычную красоту этой птицы и ее способность к чудесным изменениям своего облика, остается лишь удивляться тому, что основной средой обитания грачей являются поля, где они кормятся личинками, гусеницами и т. п. Почему эти сказочно прекрасные создания не живут в покоях принцесс и не роскошествуют в золоченых вольерах с набором изысканных яств, подаваемых ливрейными лакеями на серебряных подносах? Почему они проводят время среди пасущихся коров, тогда как им более приличествует общество единорогов, грифонов и драконов?

Ответ прост: грач живет так, как ему хочется. А когда он захочет пообщаться с людьми, то скорее предпочтет компанию пьяного поэта или чокнутого старикашки салону великосветской мамзели. И конечно же, он не прочь полакомиться кусочком драконьей печени или языком единорога, если удастся их раздобыть, да и мясом грифона не побрезгует, буде таковое подвернется.

Когда грачи собираются в превеликом множестве, для этого есть самые разные названия. Кое-где используют выражение «грачиная паства».

## Часть первая

*Воистину, грач видит гораздо больше того, на что мы полагаем его способным, слышит гораздо больше, чем мы думаем, понимает больше, чем мы можем себе представить.*

*Босуэлл Смит. Жизнь птиц и их изучение<sup>2</sup>*

### 1

Шесть из семи дней в неделю окрестности Берфорд-роуд наполнялись грохотом, лязгом, дребезжанием и гулом работающей Беллменской фабрики. Беспреданно снующие туда-сюда челноки ткацких станков создавали лишь малую часть этой какофонии, а ее главной составляющей были рев и клочкотание вод Виндраша<sup>3</sup>, крутивших водяное колесо и порождавших всю эту бурную активность. Шум стоял такой, что по окончании трудового дня, когда замирали станки и приводные механизмы, он еще долго отдавался эхом в ушах работников. Это эхо звенело, когда люди приходили к себе домой, не прекращалось, когда они укладывались спать, и зачастую продолжало звенеть в их снах.

Птицы и звери сторонились Беллменской фабрики – по крайней мере в будние дни. Только грачам хватало духу летать над ней в любое время. Более того, они как будто даже получали удовольствие от производимого фабрикой шума, дополняя его своим пронзительно-хриплым граем.

Но сейчас было воскресенье, и с фабрики не доносилось ни звука. Между тем на другом берегу реки, вверх по главной улице селения, множество людей производило шум совсем иного рода.

Грач – или ворона, ибо издали их нелегко отличить друг от друга, – эффектно спланировал на конек церковной крыши, склонил голову набок и прислушался.

Явись и в меня войди,  
Духа святого воля,  
Чтобы освободить  
От страха, греха и горя...

Первый куплет гимна прихожане исполнили прескверно – слаженностью под стать гурту овец, блеющих в загоне на рыночной площади. Кое-кто из собравшихся воспринимал это как состязание, в котором приз достанется самому громогласному; некоторые, полагая пение пустой тратой времени, сбивались на скороговорку, чтобы скорее с этим покончить; другие же, напротив, боялись забежать вперед и, перестраховываясь, запаздывали на какие-то доли такта. Среди прихожан было много фабричных работников, в силу известных причин имевших проблемы со слухом. Эти просто создавали звуковой фон – низкое монотонное гудение вроде того, какое случается при заклинившей педали органа.

К счастью, здесь был еще и церковный хор, в составе которого, опять же к счастью, был Уильям Беллмен. Его звонкий и чистый тенор, как стрелка компаса, задавал остальным верное направление; он плачивал, дисциплинировал, указывал цель. Вибрации этого голоса подей-

---

<sup>2</sup> Вероятно, имеется в виду Реджинальд Босуорт Смит (1839–1908) – английский педагог и писатель; его книга «Жизнь птиц и их изучение» вышла в 1905 г.

<sup>3</sup> Виндраш – река в юго-западной части Англии, приток Темзы.

ствовали даже на барабанные перепонки слабослышащих, и тон их гудения начал варьироваться с некоторым намеком на музыкальность. Как следствие, если «От страха, греха и горя» паства проблеяла вразнобой, то следующая строка – «Приблизься, счастливый день» – вышла более слаженной; на «Пусть мрачная сгинет тень» большинство поющих уловило мелодию, а финальное «блаженство вовек» уже обрело подобие благозвучности, приличествующей религиозным собраниям.

Последние звуки гимна растаяли в воздухе, а вскоре после того двери распахнулись, выпустив прихожан в церковный двор, где многие задержались, дабы переброситься парой слов и погреться на осеннем солнышке. Среди них были две женщины, одна уже в летах, другая гораздо моложе, обе разодетые в пух и прах, с рюшечками, ленточками и приколотыми к корсажам букетиками. Они приходились друг другу теткой и племянницей, хотя молва нашептывала иное.

– Вот бы воскресенье было каждый день, – мечтательно молвила младшая мисс Янг, имея в виду пение Уильяма, и неожиданно получила ответ от проходившей мимо миссис Бакстер:

– Уильяма Беллмена вы можете послушать в любой вечер под окнами «Красного льва». Хотя... – она понизила голос, но не настолько, чтобы это замечание ускользнуло от стоявшей неподалеку матери Уильяма, – то, что приятно на слух, не всегда приемлет душа.

Дора Беллмен никак не среагировала на эти слова и с безмятежным видом обернулась к подошедшему мужчине, своему деверю.

– Скажи-ка, Дора, а чем еще занимается Уильям, кроме неприемлемых для души песнопений в «Красном льве»? – спросил он.

– Работает на ферме Джона Дэвиса.

– Ему вправду нравится фермерский труд?

– Ты же знаешь Уильяма. Он всегда всем доволен.

– И как долго он собирается торчать у Дэвиса?

– Пока там есть для него работа. Он берется за любую.

– А не пора ему найти что-то более серьезное и перспективное?

– У тебя есть предложение?

Во взгляде, которым она сопровождала эти слова, заключалась целая история, старая и долгая история, а его ответный взгляд говорил: «Да, это все так, однако...»

– Мой отец уже стар, и фабрикой теперь управляю я. – Дора протестующе подняла руку, но он продолжил: – Не буду поминать других, если тебе это неприятно, но я-то – разве я хоть раз тебя обидел, Дора? Разве я сделал хоть что-то плохое тебе или Уильяму? Со мной, на фабрике, у него появятся перспективы и уверенность в будущем. Ты считаешь правильным лишать Уилла всего этого?

Он замолчал, ожидая ответа.

– Ты всегда был добр со мной, Пол, – признала она. – Полагаю, если я не дам нужный тебе ответ, ты обратишься напрямую к Уильяму?

– Я предпочел бы действовать с твоего согласия.

Из дверей церкви вышли певчие, уже в повседневной одежде. Внимание прихожан тотчас обратилось на шагавшего среди них Уильяма, благо его внешность так же радовала глаз, как его пение – слух. Темноволосый, как его дядя, с высоким лбом и цепким, все подмечающим взглядом, он счастливо сочетал в себе немалую физическую силу и врожденное изящество движений. Многие из присутствовавших во дворе молодых женщин попытались вообразить себя в объятиях Уильяма Беллмена, а иным и вообразать не понадобилось – они уже знали это по опыту.

Заметив в толпе мать, он улыбнулся еще шире и приветственно помахал рукой.

– Я передам ему наш разговор, – сказала она Полу, – а дальше пусть решает сам.

Засим они расстались – Дора пошла навстречу Уильяму, а Пол в одиночестве отправился домой.

В свое время при выборе жены Пол постарался избежать ошибок, допущенных его отцом и братом. Он не хотел, подобно отцу, жениться на круглой дуре с мешками золота; не устраивал его и вариант брата: красота и любовь без приданого. Энн была мудрой и добросердечной женщиной, а ее приданого как раз хватило на постройку красильного цеха. Проявив благоразумие и выбрав средний путь между двумя крайностями, он обрел гармоничную семейную жизнь, согласие в доме – и красильню в придачу. Но при всем его здравомыслии и рассудительности, Пол отнюдь не был доволен собой. Он не горевал о безвременно почившей жене так, как следовало бы горевать любящему супругу, а в моменты болезненного самокопания признавался себе, что думает о жене брата чаще и больше, чем это допустимо приличиями.

Дора и Уильям также двинулись к своему дому.

Грач на коньке церковной крыши неторопливо расправил крылья, взмыл в воздух и вскоре исчез вдаль.

– Мне нравится предложение дяди, – сказал Уилл, стоя посреди их маленькой кухни. – Ты не будешь против?

– А если буду?

Он ухмыльнулся и одной рукой обнял ее за плечи. В свои семнадцать он еще не привык к такому превосходству в росте над мамой.

– Ты ведь знаешь, я не стану делать то, что может тебя расстроить.

– В том и загвоздка.

Какое-то время спустя, в укромном местечке среди камышей и осоки, рука Уилла обнимала уже совсем другие плечи. Его вторая рука была не видна, забравшись глубоко под нижние юбки, и девушка время от времени клала свою ладонь поверх, подправляя ритм движений и силу нажима. «Я определенно делаю успехи», – подумал он (на первых свиданиях она контролировала его руку безотрывно). Белые ноги девушки казались еще белее на фоне темно-зеленого мха; ботинки она не сняла – на тот случай, если их застанут врасплох и надо будет спастись бегством. Дышала она отрывисто, со всхлипами. Уилл не переставал удивляться тому, что наслаждение может быть так созвучно боли.

Внезапно звуки стихли, и на ее лице появилась напряженная морщинка. Она судорожно нажала на его руку, белые ноги плотно сомкнулись. Как зачарованный, Уилл следил за происходящим: приливом крови к ее щекам и шее, трепетанием век. Затем она расслабилась, хотя глаза еще оставались закрытыми и на виске пульсировала жилка. Через минуту она открыла глаза:

– Теперь твоя очередь.

Он лег на спину, заложив руки под голову. Джинни в его направляющей руке не нуждалась, она свое дело знала.

– Ты не думала о том, чтобы однажды взобраться на меня и сделать все по-настоящему? – спросил он.

Она прервалась и игриво погрозила пальчиком:

– Уильям Беллмен, я намерена выйти замуж честной девицей. Ребенок от Беллмена в мои планы не входит.

И она продолжила свое занятие.

– За кого ты меня принимаешь? Ты думаешь, я на тебе не женюсь, если дойдет до ребенка?

– Не глупи. Конечно женишься, я знаю.

Она ласкала его достаточно нежно, но притом энергично. Словом, в самый раз.



– Тогда в чем проблема?

– Ты парень что надо, Уилл, не стану отрицать...

Он приподнялся, опершись на локоть, и остановил ее руку, а когда Джинни подняла лицо, спросил:

– Но?

– Уилл!

Видя, что уйти от ответа не получится, она заговорила – медленно, с запинкой облекая мысли в слова:

– Я точно знаю, какая жизнь мне нужна. Спокойная. Правильная.

Уилл кивком поощрил ее к продолжению.

– А какой будет моя жизнь, если я выйду за тебя? Наперед не скажешь – то-то и оно. Может случиться все, что угодно. Нет, ты вовсе не плохой человек, Уилл. Ты просто...

Он откинулся на спину, но тут же вновь приподнялся, осененный догадкой:

– Ты положила на кого-то глаз!

– Нет!

Однако ее выдали смущение и краска, мигом залившая лицо.

– Кто он? Кто? Скажи мне!

Он сгреб ее и начал щекотать. На минуту они превратились в детишек, визжащих, смеющихся, барахтающихся на траве. Но столь же быстро к ним вернулась «взрослость», и они закончили то, для чего сюда пришли.

К моменту, когда он снова отчетливо увидел над собой листву и высокое небо, его мозг успел все разложить по полочкам. Девушке нужна была стабильность. Практичная и работающая, она не была склонна к авантюрам и поиску легких путей. А с Уиллом она лишь убивала время в ожидании, когда на нее обратит внимание некто, ею уже замеченный. Кандидатур подходящего возраста в их краях было не так уж много, и в ходе анализа почти все они отсеялись по той или иной причине. А из оставшихся один стоял особняком.

– Это Фред из пекарни, так?

В смятении она поднесла руку к своим губам, а затем – более уместный жест, хотя и запоздалый – накрыла его рот. Пальцы Джинни пахли ими обоими.

– Не говори никому. Уилл, прошу тебя, ни слова!

И она расплакалась.

– Тише, тише. – Уилл обнял ее. – Я никому не скажу. Ни единой душе. Клянусь.

Рыдания перешли в икоту, и наконец она затихла. Он взял ее за руки:

– Успокойся, Джинни. Поверь мне, ты выйдешь замуж еще до конца этого года.

Они помыли руки в речной воде и расстались, чтобы вернуться в городок разными тропами.

Уилл направился кружным путем – через мост выше по течению реки. Теплый день клонился к вечеру, лето не торопилось сдавать свои права. «Конечно, жаль вот так лишиться Джинни, – думал он. – Девчонка она славная, что и говорить». Урчание в желудке напомнило о свежем сыре и сливовом компоте, обещанных мамой к ужину. При этой мысли он перешел на бег.

## 2

Уильям протянул руку для пожатия. Встречная рука на ощупь была словно в перчатке – толстые подушечки на ладони не уступали жесткостью воловьей коже. Вряд ли этот человек мог полностью согнуть пальцы.

– Доброе утро.

Знакомство происходило на фабричном дворе. Даже под открытым небом вонь от немытой испанской шерсти немилосердно била в нос.

– Здесь распаковывают и взвешивают руно, – пояснял Пол. – Заведует этим мистер Радж, он работает на фабрике... уже сколько лет?

– Четырнадцать, – сказал мистер Радж.

– Сегодня здесь шестеро рабочих. В иные дни бывает больше или меньше, все зависит от размеров поступившей партии.

Пол и мистер Радж еще минут десять обсуждали свои дела – о недовесе и усадке шерсти, о валенсийских и кастильских поставщиках. Тем временем Пол наблюдал за рабочими, которые вскрывали ящик за ящиком, опрокидывали их набок, извлекали (вместе с новой волной воню) руно, цепляли его на весовой крюк и манипулировали гирьками, пока шерсть не всплывала ввысь подобно клочковатому грязно-серому облаку. Результаты взвешивания мистер Радж заносил в свой блокнот – не прерывая разговора с Полом о Валенсии и Кастилии, причем этак небрежно, будто речь шла о местечках не далее Чиппинг-Нортон, – и давал отмашку для следующего контейнера. Взвешенную шерсть тележками увозили на мытье. Уильям старался не упустить из виду ни единой детали. Одновременно наблюдали и за ним. Нет, никто из рабочих не тарачил на него глаза, все были заняты своим делом, однако он то и дело ловил взгляды, бросаемые украдкой.

Вместе с дядей – и осликом, тянувшим тележку с шерстью, – Уильям перешел к следующему этапу.

– Позвольте представить моего племянника, Уильяма Беллмена, – сказал Пол Беллмен. – Уильям, это мистер Смит.

Уилл пожал еще одну жесткую руку:

– Доброе утро.

Уильям наблюдал. За Уильямом наблюдали. И так продолжалось весь день.

Шерсть мыли, сушили, трепали. Уильям был весь внимание. Шерсть обеспыливали, чесали, промасливали, повторно расчесывали и укладывали в толстые ленты; он старательно запоминал все процедуры.

– Иногда шерсть отсюда везут прямиком в красильный цех, но чаще мы красим уже готовую ткань.

Следующее знакомство обошлось без рукопожатий. В прядильном цехе следившие за ним глаза были сплошь женскими – и глядели они без стеснения. Он отвесил полупоклон Клэри Райтон, старшей над всеми прядильщицами, что вызвало в комнате взрыв веселья, тут же сурово подавленного.

– Идем дальше! – скомандовал Пол.

Дальше был ткацкий цех, где челноки двигались с такой скоростью, что глаз едва успевал за ними следить, а ткань прирастала так быстро, будто рождалась непосредственно из ритмичного грохота станков. Сукновальный цех был пропитан запахом мочи и навоза – тут грязью вычищали грязь. В сушильно-ширильном цехе ткань растягивали на рамах, ярд за ярдом, и выставляли во двор, – благо стояла ясная погода.

– Ну а в дождливые дни... – Они двинулись дальше, и Пол отворил дверь длинной и узкой комнаты с бесчисленными мелкими отверстиями в стенах. – Думаю, нет нужды пояснять... А когда ткань высохнет, ее направляют...

Экскурсия продолжилась.

– ...на конечную отделку.

Однако это был еще далеко не конец, ибо «конечная отделка» подразумевала новое мытье, сушку и валку ткани с последующим ворсованием. К тому времени голова Уильяма уже шла кругом, и он мог лишь тупо следить за тем, как ткань по прохождении через станок покрывается мягкой ворсистой дымкой.

Ноздри Уильяма горели от всех этих запахов, уши заложило от непрерывного грохота, а ноги ныли от долгой ходьбы – следуя за процессом производства, он сотню раз пересек территорию фабрики с юга на север и с востока на запад, через дворы, площадки, цеха, склады и прочие здания.

– Стригальный цех, – объявил Пол, открывая еще одну дверь.

Когда дверь закрылась за их спинами, Уильям замер, потрясенный. Впервые за этот день он очутился в тишине – настолько глубокой, что от нее начало звенеть в ушах. Руки пожимать не пришлось. Двое мужчин – примерно одинакового роста и телосложения – взглянули на него лишь мельком, не отрываясь от своего занятия. Их длинные лезвия скользили над самой поверхностью материи; каждое движение было четким и предельно выверенным, словно они без звука исполняли тщательно отрепетированный хореографический номер. Ворсистая дымка исчезала, каймой пены оседая на стали и затем плавно соскальзывая на пол, а то, что оставалось после прохода лезвий, было идеально ровной, гладкой, чистой, добротной – готовой тканью.

Уильям не мог сказать, как долго он созерцал это действо, словно оцепенев.

– Завораживает, не так ли? Это мистер Хэмлин и мистер Гэмбин.

Пол взглянул на своего племянника:

– Ты утомился. Пожалуй, для первого дня тебе хватит. После этого осталась только прессовка.

Но Уильям пожелал увидеть и прессовку.

– Мистер Сандерс, это мой племянник, Уильям Беллмен.

Рукопожатие.

– Добрый вечер.

Нагретые металлические листы вставлялись между широкими складками ткани и выдерживались так до полного остывания. А вдоль стены были сложены рулоны ткани, приготовленные к отправке.

– Ну вот, – сказал Пол, когда они вышли наружу, – теперь ты видел все.

Уильям поднял на него уже начавшие слезиться глаза.

– И не забудь свою куртку. Вид у тебя несколько очумелый.

Уильям смял в руках куртку. Шерстяная ткань. Из того же руна. После всего увиденного это казалось невероятным.

– До свиданья, дядя.

– До свиданья, Уильям.

Уже в дверях конторы он резко повернулся.

– Мы же пропустили красильню!

Пол отмахнулся:

– В другой раз.

– Ну и как тебе фабрика?

В его пространном ответе Дора смогла разобрать лишь одно слово из трех.

Он глотал пищу, почти не жуя, и при этом говорил без умолку, сыпал именами и терминами, зачастую ей незнакомыми.

– Радж занимается поставками сырья, а Бантон заведует мойкой. В прядильне за главную – миссис Райтон...

– А мистер Беллмен там был? Я о старом мистере Беллмене.

Он отрицательно покачал головой, запихивая в рот очередную ложку.

– В сукновальне всем заправляет мистер Хивер, а в сушильне – мистер Крейс... Или я перепутал?

– Не говори с набитым ртом, Уилл. Твой дядя и не рассчитывает, что ты выучишь все за один день.

Отбивная и картофель к его приходу уже остыли, но для Уильяма это не имело значения. Он проглатывал еду, не замечая вкуса. Мыслями он все еще был на фабрике, видел работу каждого человека и каждого механизма, видел весь процесс в деталях и в целом.

– А что другие – все остальные фабричные? Как они отнеслись к твоему появлению?

Он указал на свой полный рот, и маме пришлось ждать.

Но она так и не дождалась ответа. Как только Уильям проглотил еду, глаза его закрылись, а голова поникла на грудь.

– Иди спать, Уилл.

Он вздрогнул, пробуждаясь.

– Я обещал вечером быть в «Красном льве».

Она взглянула на сына: покрасневшие глаза, ни кровинки в лице. И никогда прежде она не видела его таким счастливым.

– Спать!

И он пошел спать.

### 3

И как же на фабрике отнеслись к появлению Уильяма Беллмена?

С первых минут он стал объектом пристального внимания, сплетен и толков.

Для начала вспомнили давний скандал, связанный с его отцом. Общеизвестные факты были таковы: Филлип, брат Пола, сбежал из дома, чтобы обвенчаться с Дорой Фенмор вопреки воле родителей. Она была достаточно красива, чтобы оправдать его действия, но и достаточно бедна, чтобы понять реакцию его родни. А спустя всего лишь год он снова сбежал, на сей раз бросив молодую жену и новорожденного сына.

Семнадцать лет – срок немалый, но и не слишком большой, так что среди фабричных оказалось примерно равное количество тех, кто еще помнил Филлипа, и тех, кто ничего о нем не знал. В последующие дни старая история была заново взвешена, отмыта, затрепана, прочесана, подмаслена, закручена, сплетена и смешана с навозом, вследствие чего она обрела вид не более реалистичный, чем пролетарская кепка на голове пасущейся в поле овцы. После сотни пересказов – с дополнениями и пояснениями – сам Филлип Беллмен не узнал бы свою историю, доведись ему это услышать. Каждая версия на свой лад трактовала роли героев и злодеев, предателей и преданных; соответственно пристрастиям смещались и симпатии.

В действительности же все обстояло таким образом.

Когда Филлип женился, он был не настолько влюблен, как ему тогда казалось, а, скорее, на время ослеплен красотой девушки; сказалась и привычка брать все, что ему захочется. Отец всегда был с ним строг, и Филлип не обольщался относительно его реакции на этот брак, однако рассчитывал на мамину поддержку и заступничество. Миссис Беллмен, особа глупая и вздорная, чрезмерно баловала своего младшего сына, отчасти назло супругу, отчасти еще по каким-то своим соображениям. Однако в данном случае мать не проявила ни малейшего желания потакать сыновним прихотям. Чего не учел Филлип, так это материнской ревности к женщине со стороны. А решение отца выселить молодоженов в маленький коттедж на самой окраине городка стало еще одним ударом по болезненному самолюбию Филлипа.

Сразу после рождения сына он ждал, что родители сменят гнев на милость. Но этого не случилось. И Филлип нашел способ с ними покончить. Традиционно в роду Беллменов использовались лишь три мужских имени: Пол, Филлип и Чарльз. Ничуть не задумываясь о цене, которую мог заплатить его сын за такой акт семейной мести, Филлип нарушил традицию и назвал сына Уильямом – ни с того ни с сего, ни за что ни про что.

Изгнанный из родного дома, мучаясь безденежьем, он пришел к выводу, что заплатил за красоту слишком высокую цену. Любовь? Ему она была не по карману. Через три дня после крещения младенца, дождавшись, когда жена и сын уснут, он покинул свой домишко и, уведя из конюшни отца его любимого скакуна, исчез из Уиттингфорда в неизвестном направлении и с неясными намерениями. С той поры никто из горожан его не видел и ничего о нем не слышал.

Доре так и не удалось наладить отношения с родителями мужа. Сына она растила в одиночку, без их помощи. Поскольку ни одна из сторон не сочла нужным доводить до общего сведения подробности семейной ссоры, а единственный человек, владевший информацией в полном объеме, исчез без следа, любители сплетен могли дать волю своей фантазии.

Одно дело – сухие факты, и совсем другое – смелая игра воображения фабричных болтунов. Если отец дал сыну имя в нарушение семейных традиций, в этом должен быть какой-то скрытый смысл, рассуждали они.

Был соблазн изобразить Дору неверной женой. Всегда найдутся мужчины, готовые поверить в то, что красивая и скромная женщина на деле склонна к разврату. Однако эта версия наткнулась на серьезные препятствия: у Уильяма были крупные беспокойные руки Филлипа Беллмена, широкая походка Филлипа Беллмена, непринужденная улыбка Филлипа Беллмена

и цепкий взгляд Филлипа Беллмена. Он, безусловно, был сыном своего законного отца. Пусть имя у него было не то, какое люди привыкли сочетать с его фамилией, но во всем остальном он был типичнейшим Беллменом.

– Вылитый портрет! – заявил один из старожилов, и никто даже не подумал ему возражать.

Когда же, после бесчисленных пересказов, сплетники исчерпали все возможные версии, они развили тему под новым углом. Была высказана и сразу подхвачена мысль, что племянник и родной сын – две очень разные вещи. С сыном все просто. Никаких тебе отклонений. Прямая линия родства. Другое дело племянник – тут линия выходит косая, по диагонали, так что трудно понять, к чему она приведет. Новый мистер Беллмен взял племянника под крылышко, это было ясно как день, но старый мистер Беллмен, как говорили, не очень-то симпатизировал парню. Если подумать, этот племянник был ходячей неопределенностью. Он мог что-то собой представлять, а мог и не представлять ничего ровным счетом.

Догадки и предположения множились, но в конечном счете лишь одна фраза могла быть озвучена с достаточной долей уверенности, и произнес ее мистер Лоу из красильни, который к тому времени оставался единственным человеком на фабрике, еще не встречавшимся с Уиллом:

– Он не наследник. И он нам не указ.



## 4

– Мистер Лоу, – сказал Уильям, протягивая руку, – я Уильям Беллмен.

Мужчина молча продемонстрировал ему свои руки, черные от кончиков пальцев до самых локтей. Накануне Уилл пожимал разные руки – мозолистые, покрытые шрамами и следами ожогов – и после всего этого уж не побрезговал бы слегка запачкать ладонь, однако взгляд этого мужчины был не слишком приветлив, и проявлять настойчивость расхотелось.

Тем более что мистер Лоу был явно не расположен вступать с ним в разговор.

– Мой дядя вчера показывал мне работу фабрики. Вы, наверное, об этом слышали.

Последовал короткий кивок: мол, слышать-то слышал, да только мне это без интереса.

– Но мы не успели посетить красильный цех. Не найдется у вас несколько минут, чтобы показать, чем вы тут занимаетесь?

Человек слегка повел бровью:

– Мы тут красим.

– Разумеется, – сказал Уилл с улыбкой.

Собеседник не улыбнулся в ответ. Возможно, он и не думал шутить.

– Или мне лучше зайти в другой день?

На лице мужчины чуть дернулся мускул. Что это было: нервный тик или реакция на его просьбу? В любом случае это не означало согласия.

Уилл понял, что его тут видеть не хотят.

Во дворе разгружалась очередная партия ящиков. Уильям приблизился к мистеру Раджу:

– Вам не требуется еще одна пара рук?

– Снова ты? Еще не все разглядел?

Это прозвучало вполне дружелюбно. Радж ухмыльнулся и протянул свою перчаткообразную лапищу. Они обменялись рукопожатием.

– Сегодня я пришел работать.

– С такими-то нежными руками?

Но Уилл давно усвоил привычку к тяжелому труду: он срубил в лесу немало деревьев и накопил немало сена на лугах.

Радж вручил ему гвоздодер, и в течение следующего получаса Уилл вскрывал ящики. Затем он вытаскивал из них руно. Затем подвешивал руно на крюк. Поначалу остальные рабочие молчали, испытывая неловкость в его присутствии, однако совместный физический труд не располагает к излишней деликатности. Здесь он был еще одной парой рук, и уже после первого взвешивания, когда Уилл полноценно включился в процесс, они забыли, кто он такой, и кричали ему «подавай!» или «готово!» с той же легкостью, с какой обращались друг к другу. Он же откликался – «подаю!» и «готово!» – так, будто занимался этим всю жизнь.

Когда у него начали гореть ладони, Уилл смазал их жиром и обмотал тряпками.

– По первости руно колет, как сотня ножичков, – пояснили ему.

Он продолжал работать наравне с другими, пока вся партия не была отправлена в мойку; а когда он попрощался и ушел, рабочие смогли сказать о новичке лишь одно: «Парень вроде как впрягся».

В последующие дни и недели Уилл выполнял любую работу, какая требовалась на любом из участков. В прядильном цехе женщины смеялись и заигрывали с новоявленным коллегой – и он отвечал им тем же, но при этом добросовестно просиживал всю смену за станком, мучаясь, допуская промахи и получая мелкие травмы. Вот в этом уже не было ничего нового: любая работа на фабрике оборачивалась для его рук порезами и ссадинами. Нить раз за разом рвалась,

и он обнаруживал, что прядет лишь воздух, но к концу дня все же выдавал свою норму слишком толстой, неравномерной, низкокачественной пряжи.

– Иные начинали куда как хуже, – признала Клэри Райтон, а бойкая чернявая девушка, приставленная за ним следить, добавила:

– Для мужчины так прясть – это чистой воды чудо!

В сукновальне он надышался едкими испарениями из открытой бочки и натурально упал в обморок. Очнувшись на полу, испытывая тошноту и нехватку воздуха, но, чуть отдышавшись, посмеялся над собой и опознал парня, который помог ему выбраться во двор:

– Ты ведь брат Люка Смита, верно? Он все еще балуется рукоборьем?

Уилл знал, что крышка отнюдь не случайно была сдвинута с бочки в тот самый момент, когда он оказался поблизости; однако уже к концу рабочего дня отношения наладились настолько, что вечером он с подмастерьями запанибрата перекинулся в картишки и даже остался пусть в мизерном, но выигрыше.

В сушильне Уильяму пришлось гнуться в три погибели перед совсем еще мальчишками (но уже с мозолистыми руками), когда те учили его правильно растягивать сырую ткань, начиная с нижнего края рамы. На пару с Немым Греггом он катал туда-сюда тележки с шерстью. Он сливал едкие ферменты в огромные емкости. Он не чурался и таких малопочтенных занятий, как кормление осла или чистка отхожих мест.

С другой стороны, ему давали и весьма ответственные поручения, вроде встречи приехавшего из северных графств инженера. Он стоял рядом с северянином перед водяным колесом, весь обратившись в слух. Выяснялось, что существуют разные виды колес: подливные, верхнебойные, глубоко и низко погруженные. Уилл задал вопрос, потом еще один. Инженер отвечал сперва кратко, но затем все более подробно, замечая живой интерес и сообразительность юноши. Отвод рек и создание водохранилищ, расчет и управление потоком для бесперебойной подачи энергии, – все хитроумные изобретения, позволяющие человеку обуздать природу и с ее помощью многократно увеличить свои силы.

Когда инженер ушел в контору для беседы с Полом, Уильям остался у водяного колеса. Сунув руки в карманы, он сосредоточенно следил за потоком, представляя себе всю последовательность механических передач отсюда и до станков в цехах. Совсем забыв о времени, он вышел из этой задумчивости, лишь когда Пол хлопнул его по плечу со словами:

– Ты все еще здесь?

– А который час?

Получив ответ, он мигом развернулся и взял с места в карьер.

– Надо кое-кого повидать, – крикнул он, оглянувшись уже на бегу. – В «Красном льве».

Еще до конца этого месяца Уильям Беллмен успел поучаствовать почти в каждой операции, связанной с работой фабрики. Конечно, он не мог ткать и прясть так же качественно, как опытные ткачи и прядильщицы, но научился обращаться со всеми видами станков, выяснил, как они приводятся в действие и как обслуживаются, узнал о возможных неисправностях и способах их устранения. Он освоил все термины, как официальные, так и те, что были придуманы самими рабочими. Он изучил всю систему, все стадии процесса, взаимодействие всех подразделений. Он запомнил имена и лица всех фабричных, будь то начальник, мастер или подмастерье. И с каждым из них он хотя бы раз пообщался лицом к лицу, перемолвился хотя бы парой слов.

Лишь две фабричные профессии он не опробовал на своем опыте. Когда в стригальном цехе мистер Хэмлин – или мистер Гэмбин, ибо с виду они были как близнецы, – с насмешливой улыбкой протянул ему свое лезвие, Уильям смущенно покачал головой:

– Я знаю, это не так легко, как кажется, глядя на вас.

Пожалуй, из всех видов работ на фабрике для этой требовалась самая высокая квалификация, а ее некачественное выполнение могло нанести наибольший ущерб всему производству.

– Мне и за тридцать лет не научиться делать это, как вы, – сказал Уилл.

Кроме того, он ни разу не был допущен к работе в красильне.

С течением времени фабричные лучше узнали Уильяма, однако им по-прежнему было сложно определиться со своим отношением к нему. Он обучался в той же частной школе, что и Чарльз, и в его речи было еще больше от джентльмена, нежели в речах его дяди. Но когда он прижег запястье краем раскаленного прессовочного листа, с его уст легко посыпались выражения не менее сочные и крепкие, чем у простого сукновала. Сложности возникали и с тем, как к нему обращаться: некоторые называли его Уильямом, другие – мистером Уильямом. Сам же он как будто не придавал этому значения, с одинаковой готовностью откликаясь на любое обращение. Держался он ровно со всеми, улыбаясь и пожимая руку каждому встречному.

– Он ни с кем не задается и не важничает, – рассказывала восхищенная прядильщица своей сестре. – И он никогда не говорит с нами свысока. При всем том он не старается подлизаться к начальству.

Так к кому его следовало причислять: к простым работягам или к хозяевам? Уильям был загадкой, что верно, то верно, – однако с этой загадочностью все постепенно свыклись.

## 5

– Он в полном порядке, – говорил Пол его матери. – Знаешь, что сказал о нем Крейс из сушильного цеха? «Если только существует способ заставить солнце светить всю ночь напролет, обратитесь к юному Уильяму, и он этот способ отыщет».

Дора рассмеялась.

Полу нравилось передавать Доре хвалебные отзывы о ее сыне.

В тот день Уильям задержался в ризнице. Ждать его в церковном дворе было слишком холодно, и Дора перешла к задней стене церкви, где было пусть и не намного теплее, но хотя бы не задувал ветер, от которого уже начали ныть уши.

– Он не боится тяжелой работы. И на редкость быстро вникает в техническую сторону любого вопроса. Инженер назвал его очень толковым парнем. Думаю, он забрал бы его в свою службу, представься ему такой шанс.

– А что дальше, он перейдет на работу в контору?

– Нед Хэддон первое время нервничал по этому поводу. Он сразу смекнул, что я готовлю племянника не в рядовые суконщики, и начал опасаться за свою должность. Но лично я не представляю Уильяма просиживающим штаны за конторским столом, царапая бумагу с утра до вечера, – а ты? Ему нужно больше простора и разнообразия.

– Уильям передал мой рецепт фруктового кекса жене Неда Хэддона. Взамен они прислали нам корзину грецких орехов.

Пол улыбнулся:

– Он умеет ладить с людьми. И Нед сейчас уже не беспокоится.

– А он не *слишком* хорошо ладит с некоторыми?

– Ты о прядильщицах?

Она поджала губы.

– Если я узнаю о каких-то неподобающих отношениях, сразу положу этому конец. Он ведь еще совсем молод. Ты же знаешь, каковы эти молодые парни.

Она быстро взглянула на Пола, и рядом с ними как будто замаячил призрак его брата. Пол тотчас пожалел о сказанном, но брать слова назад было поздно.

– До меня дошли слухи о картах... – продолжила она.

– Он играет в карты?

– Так я слышала.

– Я с ним поговорю. Предоставь это дело мне. – (Призрак медленно растворился в воздухе.) – Уильям отличный парень, Дора. Не волнуйся за него.

– А Чарльз? Как там он?

Теперь озабоченное выражение появилось уже на лице Пола.

– Ну, Чарльз как всегда. Считается, что он занят учебой, но на деле его слишком занимает живопись, чтобы думать об экзаменах.

– Живопись все же лучше, чем карточные игры. И там нет прядильщиц, чтобы его искушать.

– Искушения могут быть разными. Чарльз, например, рвется путешествовать. Мой отец, понятно, не в восторге от таких затей.

– Он хочет ввести внука в семейный бизнес, это вполне естественно.

В голосе Доры появились ледяные нотки, и ее нельзя было в этом винить. Старый Беллмен принимал близко к сердцу судьбу внука, не проявлявшего интереса к дедовской фабрике, и в то же время отталкивал другого внука, на этой самой фабрике трудившегося.

Пол вздохнул:

– Боюсь, Чарльзу не кажется вполне естественной мысль об участии в семейном бизнесе. По крайней мере сейчас. Но хватит об этом, я и так сказал больше, чем следовало.

Уильям вместе с другими хористами появился из ризницы. После дружеского прощания они нашли среди ожидающих каждый свою родню, закутались поплотнее и, разбившись на пары или небольшие группы, зашагали домой по обледелым улицам.

– Что тебя задержало, Уилл?

– Мы говорили о помолвке Фреда.

– Фреда Армстронга из пекарни? А кто девушка?

– Джинни Олдридж.

Мама искоса взглянула на сына:

– Мне казалось, одно время ты сам был равнодушен к Джинни Олдридж.

Уильям пожал плечами, издав невнятный звук, который в равной мере мог означать «да», «нет» или «не понимаю, о чем ты говоришь», но скорее всего означал: «Эти дела тебя не касаются, мама».

## 6

Насчет прядильщиц Пол был спокоен, ибо имел основания полагать, что Уилл выбирает подруг для своих романтических эскапад не из числа фабричных девиц. Другое дело карты – об этом следовало серьезно поговорить. Мальчик должен понять, насколько пагубным является пристрастие к азартным играм. Пол надеялся, что слухи об этом не достигнут ушей Беллмена-старшего.

Тем же вечером об Уильяме зашла речь в ходе очередного делового совещания отца и сына.

– Работник из него никудышный, не так ли? Я об этом твоём Уильяме, – сказал отец.

– Да нет же, он отлично справляется.

– А вот мне сообщают другое.

Еженедельно старик совершал обход фабрики, а по характеру задаваемых им вопросов легко было догадаться, что он не прочь услышать критику в адрес Уильяма. И всякий раз кто-нибудь – из желания угодить или просто от злобности натуры – отвечал в нужном ему ключе.

– Что именно ты слышал? – спросил Пол, потягивая виски.

– Стоит столбом, руки в карманах, пялится в пространство, пока люди вокруг него заняты делом.

Отец взглянул на него свирепо. В детстве эта гримаса очень пугала Пола, заставляя думать об отцовском всеведении и всемогуществе. Но сейчас, увидев ее на худом морщинистом лице со слезящимися глазами, он ощутил лишь печаль.

– Мне, к примеру, не нравится то, что рассказывают о его шашнях с прядильщицами. Кроме того, он пустой болтовней мешает работе подмастерьев да еще вовлекает их во всякие глупости.

Пол сделал еще глоток, пытаясь сдержать нараставшее раздражение.

– А может, тебе это просто наплели те, кто имеет на Уильяма зуб? На фабрике хватает завистников, как и в любом другом месте.

Старик покачал головой:

– Многие видели, как он целый час простоял без дела, глядя на Виндраш, – ну прямо поэтесса в мечтаниях.

– Ах, это! – Пол едва удержался от смеха. – Это было в день приезда инженера. Тот прочел целую лекцию Уиллу, и он потом стоял у воды, про себя повторяя рассказ, чтобы лучше запомнить.

– Это он сам тебе сказал? Вряд ли он сможет так же легко объяснить свое хамское отношение к старшим.

– О чем ты?

– Он постоянно досаждаёт мистеру Лоу.

– Мистер Лоу сам сказал тебе это?

Пол усомнился неспроста. Мистер Лоу был известен своей неразговорчивостью, так что его подчиненные даже устраивали состязания: кому удастся вытянуть из него больше десятка слов кряду. В редких случаях, когда это удавалось, победитель получал кувшин сидра в «Красном льве» за счет остальных спорщиков. Сколько же слов могло потребоваться Лоу для разъяснения своих претензий к Уиллу? И что могло возмутить его настолько, чтобы дело дошло до жалобы владельцу фабрики?

– Он подает дурной пример, Пол. Как можно выполнить работу в срок, если подмастерья все время отвлекаются?

Пол нахмурился. С недавних пор производительность красильного цеха действительно снизилась.



Заметив колебания сына, старый Беллмен поспешил развить полученное преимущество:

– Ты на днях не заглядывал в кладовую красильни, где хранятся образцы? Я побывал там в пятницу вечером. И тебе советую. Помяни мое слово, с этим мальчишкой мы еще наплачемся.

Пол прикрыл глаза, выдерживая паузу. Открыв их, он вновь поразился тому, как сильно сдал в последнее время отец. Одряхлевший физически и умственно, мистер Беллмен отчаянно цеплялся за остатки былой власти и авторитета. Жалость побудила сына говорить мягче, чем это соответствовало его чувствам.

– Нет нужды называть его «этим мальчишкой». У него есть имя, отец. Он тоже Беллмен.

Старческое лицо исказилось от гнева, перешедшего в отвращение, когда он яростным жестом отмахнулся от слов сына.

Этот жест и это выражение отцовского лица навели Пола на неожиданную мысль. В расцвете лет отец мог худо-бедно контролировать свои гневные порывы и умерять неприязнь к младшему сыну. Но по мере его старения эти чувства все чаще прорывались наружу. И пока Беллмен-старший продолжал перечислять прегрешения и недостатки Уильяма, Пол позволил его голосу течь мимо, как бурные воды Виндраша, а сам углубился в тихий омут раздумий.

«Он тоже Беллмен» – вот слова, которые его отец отмел, как кучку пустой шелухи...

Но ведь всякий человек, помнивший Филлипа, сразу признал бы в Уильяме его сына. Глупо было бы это отрицать.

Впрочем, могло быть еще одно объяснение, и оно, едва проскользнув в сознание Пола, прочно заняло свое место в логической цепочке. Это было настолько очевидно, что он даже не испытал удивления. Собственно, удивлен он был лишь тем, что до сих пор до этого не додумался.

Злобность отца и заботность матери; явное предпочтение, которое каждый из них оказывал одному из сыновей... Да, Уильям был сыном своего законного отца. Но Филипп таковым не был.

Неудивительно, что отец так злился.

Пол подумал о матери – этой глупой и несчастной женщине, которую никто не замечал и не принимал в расчет, – и пожалел, что в свое время не уделял ей больше внимания. Он подумал о своем брате (получается, только единокровном?) и обнаружил, что смесь любви и раздражения, которые тот вызывал у него издавна, сохранилась в неизменной пропорции и после этого открытия. Он подумал о Доре, которая могла бы найти более достойного спутника жизни, чем его брат; и он был близок к тому, чтобы представить себя в роли этого «более достойного», – однако проблему это никак не разрешило бы. Наконец, он подумал об Уильяме. Так считать его Беллменом или нет?

Пока в голове Пола вертелись все эти мысли, отцовский перечень грехов Уилла подошел к концу. Он замолчал, ожидая реакции сына.

– Я с этим разберусь, – услышал Пол собственный голос. – Завтра же.

И он отправился к себе в комнату.

«Уилл мой племянник, он хорошо выполняет свою работу, и я люблю его, – думал он. – С данной точки зрения все очень просто».

## 7

– Образцы? – Уильям оживился. – Да, я отрезал кусочки от некоторых образцов. Сейчас покажу!

Он вынул из кармана несколько смятых клочков материи и разложил их на столе. Все они имели разные оттенки красного: темно-бордовый, гранатовый, краповый, вишневый, кирпичный, малиновый...

– Вот этот клочок из шерсти, передержанной в чане. А этот я храню еще с апреля. Помните тогдашние дожди? Ткань пришлось полностью высушивать в помещении, и ее не коснулся ни единый луч солнца. А вот – взгляните, это интересно – ткань из пряжи, которую делает Энни Роупер. Она закручивает нить не так туго, как другие прядильщицы...

Оказывается, Уилл мог на взгляд и на ощупь определить, на каком из фабричных станков был выпущен тот или иной образчик ткани; он различал пряжу, производимую каждой из прядильщиц; он держал в голове историю каждого куска материи. Впрочем, сейчас разговор был не об этом.

– Уильям, – прервал его Пол, – скажи, чем ты так насолил мистеру Лоу?

– Да я много чем ему насолил. Хотя о большинстве этих вещей он и не подозревает, я надеюсь. А на что он жалуется?

– Во-первых, ты отвлекаешь от дела его подчиненных.

– А как еще я могу ознакомиться с работой красильни? Сам мистер Лоу не захотел мне об этом рассказывать.

– Ты здесь уже достаточно долго, Уильям, и мог бы понять, что красильня – это особый мир. Ты не можешь заявиться к мистеру Лоу и ожидать, что он выложит тебе все свои секреты. Это же искусство. Это сродни...

– ...сродни алхимии, знаю. Он хочет, чтобы ты так думал.

– Уильям!

Его племянник обиженно умолк.

– Я уже говорил тебе это раньше, Уильям, и сейчас повторяю последний раз. Отец мистера Лоу изобрел рецепт синей краски настолько чистого и глубокого цвета, что мы продаем больше синей ткани, чем любая другая фабрика на сотню миль вокруг. Для нас большая удача иметь здесь мистера Лоу. Мы заполучили его в ту пору, когда перспективы отрасли в Страуде<sup>4</sup> выглядели плачевно и фабрики закрывались одна за другой. Позднее, когда дела там наладились, они много раз пытались его вернуть. Вот почему мы не должны огорчать мистера Лоу.

На протяжении этой речи Уильям не ерзал, не закрывал глаза и не отводил взгляд. Он просто слушал, но чувствовалось, что слова дяди его не убеждают.

– Если мистер Лоу не желает видеть тебя в своей красильне, ты должен уважать его решение. Он просто не хочет, чтобы все кому не лень совали нос в его профессиональные секреты. Как-никак, он живет за счет этого.

– А вот красные ткани у него получаются неважно, – проворчал Уильям. – И потом, это ведь твоя земля, твои здания, твоя фабрика.

– Существуют давние традиции. Красильщики всегда были сами по себе, и в их дела никто не вмешивался. Они слишком важны, такими людьми не разбрасываются. И я не хочу, чтобы мистер Лоу уехал обратно в Страуд из-за того, что ты ему досаждаешь.

---

<sup>4</sup> Страуд – город в графстве Глостершир, в эпоху промышленной революции бывший важным центром текстильного производства.

Последовала пауза, в ходе которой выражение лица Уильяма подсказало его дяде, что вопрос еще не решен. Уилл открыл рот, собираясь возразить, однако Пол жестом остановил его:

– Научись воздавать должное чужим заслугам, Уильям. Мистер Лоу знает свое дело. Если красные красители нестабильны, не спеши валить вину на него. Тут проблема скорее в качестве воды.

Уильям упрямо покачал головой:

– Значит, он и тебе наплел то же самое. Врет он все. Вода здесь ни при чем.

– Ты на фабрике еще и года не пробыл, Уильям. Предупреждаю, следи за своим языком.

– То, что он говорит про воду, разбавленную дождями, это полная чушь! Он ведь не использует воду из реки. Он берет ее из источника, где свойства воды круглый год не меняются.

Пол замешкался с ответом.

– Здесь нет никакой алхимии, – продолжил Уилл. – Он хочет, чтобы мы так думали, потому что это снимает с него ответственность. Синяя краска ему удастся благодаря старому рецепту; и он знает, что из-за этой синей ему обеспечено место на фабрике до конца его дней. А что до красной – ему наплевать, какой она получится. Он может использовать старую краску, может подбирать состав наобум, а если оттенок выйдет бледным или слишком темным, всегда можно сослаться на плохую воду!

Раздраженный взмах Уилла замер на полпути, и он вдруг впился взглядом в грудку лоскутков на обтянутой черной кожей столешнице:

– Взгляни, дядя...

Пол сердито сгреб образцы в сторону:

– А как насчет его черных тканей?

– Черный цвет у него выходит хорошо только потому, что в здешней воде много железа, – тут и при желании не напортачишь.

Могло это быть правдой? Пол был вынужден признать такую возможность. Тем более что все соседние фабрики в равной мере славились качеством своих черных тканей.

Меж тем Уильям перебирал клочки материи, похоже занятый какой-то новой мыслью.

– Синяя ткань у него хороша – это факт, – промолвил он. – И черная тоже. Но другие цвета выходят как попало, потому что записи он толком не ведет, а в его кладовой сам черт ногу сломит – такой там бардак.

Пол быстро взглянул на него из-за стола, подперев голову руками, а Уильям смутился, как человек, ненароком сболтнувший лишнего.

– Стало быть, ты лазил в кладовую мистера Лоу?

– Да.

Пол ощутил смертельную усталость. Он очень хотел защитить своего племянника от нападков своего отца, но для этого требовалось как минимум сотрудничество самого Уильяма. Однако юнец не признавал свои ошибки и не желал понимать, когда и где следует остановиться.

– Тебе помогли туда проникнуть.

Это был не вопрос, а утверждение.

Уильям не сказал ничего – ни о знакомом одного приятеля, чей брат работал в красильне, ни о застольных разговорах в «Красном льве», ни о передаче некой суммы из рук в руки. Он также умолчал об отвлекающих внимание уловках и о ключе, «одолженном» без ведома хозяина.

– Я бы поступил по-другому, будь у меня такая возможность, дядя Пол. Но мистер Лоу не оставил мне выбора.

– Мистер Лоу очень серьезно относится к неприкосновенности своей кладовой.

– И теперь я знаю почему.

Уильям взял со стола один из кусочков ткани и провел им по своей ладони. Ткань была кроваво-красной, такого свежего и чистого оттенка, что могло показаться, будто по руке сию секунду полоснули ножом.

– Иди домой, Уильям.

– Как? Прямо сейчас?

Пол кивнул.

– И не возвращаться?

– Не в ближайшие дни. Мне надо все обдумать.

Услышав, как позади него закрылась дверь, Пол издал глухой стон.

## 8

Дора выворачивала карманы сыновней одежды, готовя ее к стирке. В прежнее время там чаще всего попадались разные камешки и карандаши, но теперь ее обычный «карманный улов» включал перочинный нож и прочие мелкие инструменты, которые могли пригодиться для высвобождения пряжи, запутавшейся в станке, или для откручивания болтов. А в этот раз вместе с носовым платком на свет явились скомканные полоски красной материи. Иные потолще, иные потоньше, разные по плотности, фактуре и оттенкам – от уныло-бледного до чересчур темного. Большинство было окрашено ровно, хотя попадались и такие, где краска пошла пятнами. Полоски эти, длиной в несколько дюймов, были отхвачены небрежно, как будто в спешке. Каким бы ни было их назначение, Уилл теперь не работал на фабрике и, значит, больше в них не нуждался.

В ожидании, когда сын вернется домой, она присела у окна, ловя последний час дневного света. Из клочков материи она вырезала лепестки и прихватывала каждый парой стежков, чтобы придать им нужный изгиб. Затем начала сшивать лепестки друг с другом – самые маленькие в центре, а дальше все более и более крупные.

Эта работа напомнила ей о давнем прошлом. Юной девчонкой она нередко делала цветы из кусочков ткани, чтобы украсить ими пальто или шляпку. И в тот день, когда она впервые встретила Филлипа, к ее платью была приколотая золотистая роза, сделанная из старого фартука и окрашенная экстрактом из корня куркумы. Филлип заметил и похвалил цветок, с чего и началось их знакомство.

За все прошедшие годы никто не слышал от Доры ни слова осуждения в адрес мужа – как, впрочем, и ни единого доброго слова о нем. Она просто не желала говорить на эту тему, приняв такое решение сразу же после его бегства. Стоит хоть раз обмолвиться, и слова твои будут многократно пересказаны со всевозможными вариациями, пока не осядут накрепко в соседских головах уже в сильно искаженном виде. Так что лучше не говорить ничего. Пусть все считают, что Дора и думать забыла о Филлипе Беллмене, хотя в действительности все это время ее чувства не ослабевали – они просто становились другими. В первые дни она была вне себя от беспокойства, полагая причиной исчезновения мужа какую-нибудь травму или несчастный случай. Только месяц спустя, когда все предпринятые Полом розыски не дали результата, она осознала себя покинутой женой.

Вот когда пришло время горевать. Каждый день с утра до вечера она занималась сыном, окружая его заботой и любовью, открывая ему этот мир и оберегая его от бед; а он, в свою очередь, давал ей повод радоваться, так что она почти забывала о своем горе, но, когда он засыпал, вновь не могла сдерживать рыданий. Она и сейчас порой содрогалась при воспоминании о тех долгих бессонных ночах, когда она горевала по утраченному семейному счастью. Ни до, ни после того ей не доводилось испытывать такой боли. Когда же на смену ей пришел гнев? Этого она не помнила. Должно быть, все происходило постепенно. Какое-то время два этих чувства сосуществовали в ее сердце, но гнев набирал силу и наконец взял верх.

Сначала она гневалась на родных своего мужа, а главным виновником случившегося ей виделся мистер Беллмен, подвергший сына наказанию, которое тот не смог вынести. Филлипа угнетала жизнь в крошечном коттедже, он не привык вести хозяйство без слуг, а бытовые тяготы усугублялись унижением. Дора злилась и на его мать, которая лишила сына не денег, но своей любви. Лишь позднее гнев ее направился на самого Филлипа. В конце концов, ведь это он их бросил. Да разве может обида и злость на родителей оправдать человека, оставившего на произвол судьбы свое новорожденное дитя?

Она уже было решила, что смены эмоций на этом завершатся, но еще через какое-то время вдруг обнаружила, что гнев исчез, как ранее и горечь, а превалирующим чувством стала

грусть. Грусть от сознания того, что лучшие и счастливейшие дни ее жизни оказались фальшивкой. Причем ненастоящей была не только любовь Филлипа, но и ее собственная любовь к нему. На деле то было всего лишь ослепление – его красивым лицом, его комплиментами и, как ни стыдно это признать, его деньгами. Прежде ни один мужчина не называл ее красавицей; ошеломленная его страстными речами и непривычным сознанием своей власти над поклонником, она согласилась бежать из дома и обвенчаться без родительского согласия. Новое для нее чувство было необычайно ярким, и тогда ей даже в голову не пришло, что это может быть не любовь.

Так что единственным существенным различием между «нелюбящими супругами» стало их отношение к сыну. Дора изо всех сил старалась быть хорошей матерью – в надежде, что ее усилия не пропадут втуне и Уильям Беллмен вырастет более достойным человеком, чем его отец. Для нее это стало своего рода искуплением.

Но сейчас, когда Уильям мучительно переживал свой вынужденный уход с фабрики, Дора не могла даже привычно утешиться размышлениями о его счастливом и успешном будущем. Сын был для нее всем, и ее собственные печали из-за несостоявшегося счастья не шли ни в какое сравнение с одной лишь мыслью о бедах Уилла. Сам он вслух ни разу не посетовал на решение Пола и уже на следующее утро отправился к своему прежнему нанимателю, мистеру Дэвису, не потеряв впустую ни одного рабочего дня. Однако он скучал по фабрике. Там он успел прижиться и почувствовать себя в своей стихии, и теперь ему очень этого не хватало.

Она уже заканчивала розу, когда объявился Уильям:

– Как ты можешь шить при таком слабом свете, мама? Красивая вещица! Что это?

– Роза. Но она не годится для женщины моего возраста. Пусть полежит в комодке до того дня, когда ты приведешь в дом невесту.

Увидев, что для цветка она изрезала образцы тканей, он досадливо скривился, но тут же превратил эту гримасу в улыбку, чтобы ее не огорчать. Нависнув над ней в сумерках, красивый и статный, как его отец, он взял розу и приложил ее к маминым волосам.

– Носи ее. Прикрепи к своей шляпке, когда пойдем на свадьбу Фреда, и я буду рад идти под руку с самой красивой мамой в Уиттингфорде.

Дора была тронута его попыткой скрыть от нее свои душевные муки. После стольких лет самоотверженной заботы о сыне она никак не могла привыкнуть к тому, что он вырос и теперь сам готов заботиться о ней.

– Позволь мне поговорить с Полом, – попросила она. – Я скажу, что ты сделал это от избытка энтузиазма, но теперь усвоил полученный урок...

Он быстро отвернулся, но мать успела заметить, как исказилось его лицо.

– Конечно, попробуй... – пробормотал он.

«Еще немного, и я расплачусь», – подумала она и в попытке отвлечься сняла с вешалки свою шляпку, однако было уже слишком темно для шитья.

По звукам за спиной она поняла, что Уилл повернулся, а через секунду он сдвинул ее плечи в коротком, жестком объятии. И сразу же покинул дом.

Вот только усвоил ли он урок? На беду, энтузиазм Уилла не ведал границ. Если он что-то задумывал, остановить его было невозможно, уж она-то знала – кому, как не матери, это знать.



## 9

Пол свернул от берега Виндраша на главную улицу городка. Хотелось немного побыть среди людской суеты, отвлечься от малоприятных мыслей.

Поравнявшись с церковью, он вдруг увидел стоявшего на паперти Уильяма в облачении хориста. В церковном дворе толпились люди, и среди них была Дора – с красной розой на шляпке.

Нет, еще не время с ними встречаться, решил Пол. Все равно он не сможет сказать им ничего определенного.

А денек выдался погожий, для свадьбы лучше не придумаешь. Помнится, кто-то говорил ему, что нынче женится сын пекаря. Девушку Пол видел впервые, но успел заметить, что она весьма недурна собой. Ее улыбка сияла беспрестанно, а на щеках играл яркий румянец, когда молодой супруг пожимал руку Уильяму, которого она в свой черед обняла – и, надо сказать, с недюжинным пылом. После этого Уильям, улыбаясь, поклонился им обоим, а Пол испытал подобие родительской гордости. Он знал, что Уильям мечтает вернуться на фабрику, знал о его переживаниях из-за допущенных промахов. Однако сегодня, на свадьбе своего друга, он держался молодцом; и никто из присутствующих, кроме Пола (и Доры, конечно), даже представить себе не мог, каких усилий стоила ему эта улыбка.

Да и Полу очень доставало на фабрике Уильяма. За год совместной работы он привык полагаться на племянника. Если вдруг что-то шло не так – в техническом, административном или сугубо человеческом плане, – Уильям быстро вникал в суть проблемы и подключался к ее решению, не жалея для этого ни времени, ни сил. Он одинаково успешно справлялся с поломками механизмов, запутавшейся пряжей, личными конфликтами, арифметическими расчетами и канцелярской работой. Его ловкие руки, физическая сила и коммуникабельность оказывались к месту в самых разных ситуациях, что не могло не удивлять, учитывая его юный возраст. «Это задача для Уилла, – сотню раз на дню походя отмечал про себя Пол. – Уилл с этим разберется». И всякий раз с опозданием вспоминал, что теперь должен обходиться без его помощи.

Но парень сам загнал себя в угол.

Пол не питал особой любви к мистеру Лоу. Его привлек на фабрику Беллмен-старший, при котором Лоу сделался фактически никому не подконтрольным главой красильного производства. «В этой истории вообще многовато отцовского», – мрачно размышлял Пол. Мистер Лоу выпускал отличную синюю ткань только потому, что его отец научился выпускать отличную синюю ткань; а он, Пол Беллмен, никогда не вмешивался в работу красильни только потому, что его отец никогда не вмешивался в работу красильни, – таким вот образом, передаваясь от отца к сыну, и формируются неписанные правила и традиции.

А как же Уильям? Выросший без отца, который также не знал своего настоящего отца, Уильям был свободен от всего этого. Он не зависел от правил и традиций, принимая все вещи такими, какие они есть. Над ним не довлело прошлое. Быть может, именно поэтому он лучше многих прозревал будущее. Когда прошлое не накрывает тебя своей длинной тенью, будущее должно видеться яснее, разве нет? В этой связи не грех было ему и позавидовать.

Пола заметили. Отделившись от толпы, к нему приблизилась Дора.

– Какая красивая роза у тебя на шляпке.

– О розах в другой раз, Пол. Хоть Уилл сейчас и кажется веселым, но он очень несчастен. Неужели нет способа все это уладить?

Он сделал глубокий вдох:

– Возможно, способ есть.

Дора встрепенулась.

– Дай-ка мне свою розу.

Озадаченная, она поднесла руку к шляпке:

– Эту? Но она пришита.

– Тогда позволь...

И она позволила ему срезать цветок перочинным ножом.

– Теперь зови сюда Уильяма.

Дора призывно помахала сыну.

– Как я понимаю, это все те же образцы из красильни? – спросил его Пол, дотрагиваясь кончиком ножа до лепестков.

– Да.

Пол нашел самый яркий из лепестков, через лупу осмотрел край среза, проверяя, как прокрасилась материя, и остался доволен: краска пропитала шерсть насквозь. Аналогичное обследование других лепестков выявило белую сердцевину в срезах нитей.

Дальнейший разговор между Полом и Уильямом состоял из быстрого обмена фразами, плохо понятными Доре из-за обилия специальных терминов. Однако она хорошо улавливала их взволнованные интонации. Энни Роупер и ее слабо закрученные нити... закупка свежей марены у Харриса, а не у Чентри... сушка под открытым небом... двухванное крашение... и все операции должны быть четко расписаны...

– Если мы это сделаем, – заключил Уильям, – можно будет всякий раз получать первоклассную ткань, такую же мягкую и такую же яркую, как эта.

Дора переводила взгляд с лица своего сына на лицо Пола. Она не вполне уяснила, что происходит и почему ее бедная роза была столь безжалостно и непоправимо растерзана, однако, судя по их лицам, появился шанс вернуть все в прежнее, благополучное состояние.

– А мистер Лоу...

Дора задержала дыхание, молясь, чтобы Уильям придержал свой язык.

Улыбка Пола поблекла.

– Что еще?

– Может, устроим все так, чтобы он посчитал это своей собственной идеей?

Пол взял Уильяма за руку и крепко ее пожал:

– Мистера Лоу я возьму на себя, хорошо?

## 10

– В другой раз предупреждайте заранее! – С этими словами мистер Радж ворвался в кабинет Пола.

– Предупреждать о чем?

– Да об этой ярко-красной! Прямо высверливает мозг, скажу я вам! Ее наверняка видать аж с другого конца долины. У меня начинается резь в глазах – как бы они не лопнули.

Пришлось Полу покинуть контору, чтобы разобраться с проблемой на месте.

Погода была идеальной для сушки. Солнце грело, но не припекало, дул легкий и теплый бриз. Привычный грохот фабрики ничуть не мешал удовольствию, получаемому от вида голубого неба и дальних полей, разбитых на неровные зеленые и желтые прямоугольники.

Когда он обогнул угол красильни и взгляду открылся сушильный двор, Пол замер от неожиданности. Влево и вправо простирались длинные ряды рам с натянутыми на них ярдами и ярдами ткани разительно яркого, сочно-красного цвета – как только что пролитая кровь. Несколько мгновений Пол не видел ничего, кроме этого цвета, и понял, что Радж не так уж преувеличил, говоря о своих глазах. Он ощутил приятное волнение, пульс забился чаще, губы сами собой раскрылись в улыбке. И лишь минуту-другую спустя он заметил, что находится здесь не один.

Через двор в его сторону двигался мистер Крейс, начальник сушильного цеха, то и дело останавливаясь и нагибаясь над рамами якобы с целью проверить натяжение ткани, хотя было очевидно, что эта пантомима предназначена исключительно для глаз босса, тогда как в действительности мастер находится здесь только по одной причине – дабы насладиться зрелищем.

Пол его поприветствовал:

– Случалось вам видеть красную ткань лучше этой, мистер Крейс?

– Такого сказать не могу.

– И я тоже. Ни здесь, ни где-либо еще.

В дверях красильни, плечом к косяку, стоял сам мистер Лоу, наблюдая за тем, как сохнет окрашенная им ткань.

– Как вам этот цвет, мистер Беллмен, достаточно ярок? – спросил он.

– Потрясающе, мистер Лоу!

Лоу кивнул и исчез в глубине помещения.

Появление Пола заставило дюжину любопытных работников из других цехов поспешно вернуться к своим обязанностям, но в течение дня на фабрике только и было разговоров что о новой красной ткани, и всякий имевший такую возможность приходил на сушильный двор, чтобы удостовериться воочию. Интерес проявляли не только фабричные. У дальней ограды собирались кучки зевак, а проезжавшие мимо всадники и повозки замедляли ход; никто не упускал случая полюбоваться этим пламенеющим великолепием.

– Ну и как оно там? – нетерпеливо спросил Уильям.

– Поздравляю, – сказал Пол. – Можно рассчитывать на хорошие продажи.

Его племянник облегченно вздохнул.

– Ты правильно сделал, что не пошел туда сейчас. Лоу делает вид, что его ничуть не трогают похвалы, а на деле наслаждается каждой минутой своей славы. Ты еще что-то задумал, Уилл?

– Рамы.

– Сушильные рамы? А что с ними?

– У нас достаточно места еще для одного ряда рам по дальнему краю двора, но там их будет накрывать тенью соседняя роща. А мистер Грегори ни за что не согласится продать нам часть восточного поля, хоть золотые горы ему сули.

Пол рассмеялся:

– И что с того? Нынешних рам вполне достаточно, мы и пятый-то ряд задействуем нечисто.

– Это верно, но когда пойдут заказы на новую красную...

– Попридержи коней, Уильям. Мы пока еще не знаем, как будет расходиться эта партия.

Но Уильям его уже не слышал:

– Тут я вижу два варианта. Можно прикупить участок земли с другой стороны, где ничто не будет его затенять. То поле принадлежит мистеру Дриффилду, он не будет слишком упрямым и запрашивать сверх меры. А можно построить еще один сушильный ангар – сушка под кровлей не сильно скажется на качестве цвета при нынешней глубине прокрашивания, зато ткань будет более мягкой, и мы сможем поднять цену. Лично я предпочел бы второй вариант, но строительство – это дело долгое. Вот если бы мистер Дриффилд сдал нам в аренду свой участок на то время, пока строится ангар...

– Да погоди ты. К чему такая спешка?

– Сколько сейчас времени?

Пол сверился со своими часами:

– Без десяти три.

– Он скоро появится.

Оптовый торговец должен был прибыть на фабрику к трем часам. И по пути, с открытого пространства вдоль Берфорд-роуд, он мог добрых десять минут любоваться свежеекрашенными полотнами.

Уже к пяти часам Пол имел заказы на тысячу ярдов красной материи с поставкой до конца сентября и еще на такую же партию в следующем месяце.

По дороге домой он завернул к мистеру Дриффилду и договорился об аренде земельного участка, примыкающего к фабрике.

Один год. Всего лишь год потребовался юнцу, чтобы произвести такие перемены. А что будет, если ему предоставить свободу действий?

## 11

Уильям понятия не имел о спорах, которые все это время велись за его спиной.

– Отец, ты назначил меня управляющим фабрикой. Так позволь же мне ею управлять. Я хочу сделать Уильяма своим секретарем.

– Но унаследовать фабрику должен Чарльз! Твой родной сын!

– Чарльза нисколько не интересует управление фабрикой. Мне это ясно точно так же, как должно быть ясно и тебе. Если мы взвалим на него работу, которая ему неинтересна и, скажем прямо, не по плечу, результат может быть только один – разорение фирмы. Уильям член нашей семьи. У него есть желание работать, а способностей – хоть отбавляй. После двух лет, проведенных на фабрике, он знает об управлении ею намного больше, чем Чарльз, которого после окончания школы туда и пряником не заманишь.

– В нужное время у Чарльза появится стимул. Когда он унаследует...

– Чарльза привлекают только путешествия и живопись. Он не умеет общаться с рабочими и вести переговоры с клиентами. Деньги навевают на него скуку. Унаследовав бизнес, он первым же делом наймет управляющего. Лучшее, что мы можем сделать и для фабрики, и для Чарльза, – это заранее подготовить такого человека. Чарльз не хочет заниматься фабрикой. Уильям только этого и хочет. Почему не позволить тому и другому вести жизнь, которая им по душе? Это будет во благо обоим. И во благо семейному бизнесу.

Старый мистер Беллмен оставался непоколебим в своем мнении, Пол также отступить не собирался. Возникла тупиковая ситуация. В конечном счете согласились на том, что Чарльз на двенадцать месяцев отправится в столь желанное ему путешествие, а Уильям на тот же срок займет место секретаря при Поле. А по истечении года...

Старик дал свое согласие только потому, что дальнейшее виделось ему как на ладони.

– Когда Чарльз вернется, он уже созреет для дела. А когда мальчишка Уильям увидит, *что* стоит на кону, он пойдет на попятную. Вкладывать столько труда в предприятие, которое тебе не принадлежит? Нет уж, извините, скажет он. Помяни мое слово!

Через двенадцать месяцев Чарльз, донельзя проникшийся духом итальянских палаццо и базилик, вообще отказался возвращаться домой, тогда как Уильям, далекий от «попятных» намерений, затевал все новые проекты и преобразования, в результате чего Беллменская фабрика процветала, как никогда прежде.

Но еще до истечения отмеренного срока произошло одно событие.

Старый мистер Беллмен подхватил насморк, перешедший в кашель. Летняя простуда – вещь не такая уж редкая, однако болезнь затянулась, приобретая все более серьезный характер. В его спальне на первом этаже постоянно топились камин, а сам он целые дни проводил в кресле с укутанными пледом коленями, глядя из окна на соседнее поле, которое заволокли грачи, без устали долбившие землю крепкими клювами.

Там служанка его и нашла.

Если в предсмертные минуты перед его мысленным взором и промелькнула вся прожитая жизнь – несчастливый брак, неверность жены, мщение за это ее второму сыну – и если в самый последний миг он раскаялся, осознав, что его семейные беды во многом стали следствием его же нетерпимости, то никаких признаков этого раскаяния на застывшем лице не проявилось. Жесткое, суровое и насупленное, оно настолько соответствовало прижизненному облику Беллмена-старшего, что служанка трижды повторила свой вопрос, прежде чем поняла, что хозяин мертв.

В это время Уильям находился в Лондоне, ведя переговоры с агентами Индийской общеторговой компании. «Доверь эту сделку мне, – перед тем упрашивал он дядю. – Они решат, что я еще совсем зелен, и это усыпит их внимание». Вернувшись домой с приличным пакетом

заказов, он узнал, что старый мистер Беллмен – Уилл никогда не думал о нем как о своем деде – уже покойся в гробу и гроб этот уже в могиле.

– Мне очень жаль, дядя.

– Покажи заказы. – Пол быстро просмотрел бумаги и кивнул. – Ты все сделал правильно. И сроки не пересекаются с портсмутскими контрактами... Скажи, Уилл, ты хоть изредка вспоминаешь о своем отце?

Уилл помотал головой.

– И тебе никогда не хотелось узнать, где он? Жив он или мертв?

Уилл задумался, как будто пытаясь отыскать в глубинах памяти хоть один случай проявления им подобного любопытства, и снова качнул головой:

– Никогда.

## 12

Случилось это так.

Дора Беллмен почувствовала усталость. «Это на меня не похоже», – озадачилась она.

Взяв миску, она вышла в палисадник, где поспевала ежевика. Свежий воздух обычно действовал на нее бодряще. Вдали, за возделанными полями, виднелся сушильный двор фабрики: длинные ряды белых полотен и несколько крошечных темных фигурок, копошившихся между ними. Уильяма там сейчас не было – даже на таком расстоянии она бы его узнала. Однако не слишком ли ветреный день для сушки? Сильный бриз трепал вершины деревьев, а над рощей грачи затеяли подобию буйной пляски, с пронзительными воплями кувыркаясь и ныряя в воздушном потоке.

Миска уже до половины заполнилась сочными ягодами, а пальцы Доры покраснели от сока, когда вновь нахлынула усталость, разом сковавшая все тело. Миска выпала из рук, ягоды рассыпались по земле. Затем начали отказывать ноги, и она ухватила за живую изгородь, чтобы не падать прямо на россыпь ягод, но лишь ободрала руки, так и не избежав падения. Ежевичные пятна расплылись на материи.

Испуг и смятение – оттого что испачкано платье, оттого что неприлично обнажилась часть ноги, оттого что пришла ее смерть.

Подумай об Уильяме... помолись...

Но сначала надо прикрыть ноги...

Отпущенного Доре времени едва хватило на то, чтобы прикрыть ноги.

Весть принесли две мисс Янг. До той поры у них не было никаких поводов посещать фабрику, и потому уже сам факт их появления предполагал, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Вероятных причин набиралось немного; скорбный вид посетительниц еще более сузил круг версий, а когда они пожелали встретиться с Уильямом, догадки фабричных переросли в уверенность: не иначе как у мистера Уильяма померла мать.

Только Уильям ничего не заподозрил.

«Ах, Уильям!» и «Милый Уильям!» – нестройным трагическим хором грянули обе мисс с порога комнаты, где он находился вместе с дядей.

Уильям встретил их озадаченным и чуть насмешливым взглядом. Обе мисс Янг собственными персонами. Здесь, на фабрике. Чудо из чудес! В своих вычурных шляпках и крикливо-нарядных платьях одинакового фасона, с широко распахнутыми глазами и каким-то странным выражением лица. Старшая мисс Янг судорожно сжимала в руках белую фаянсовую миску, заляпанную чем-то красным. Они что, явились сюда напрямик с кухни? Забавные дамочки, право слово!

– Чем могу помочь? – спросил он.

Две пары глаз глядели на него выразительно. Пусть он сам догадается! Пусть хотя бы начнет догадываться!

Уильям изобразил вежливое удивление. Почему они таращатся так, будто чего-то от него ждут, тогда как объясняться, по идее, должны они сами?

Старшая мисс Янг открыла рот, но ей было трудно начать, столкнувшись с таким абсолютным непониманием. Тогда она молча протянула ему миску – в качестве материального свидетельства.

Уильям миску не взял, окончательно сбитый с толку.

Пол догадался раньше его. Он распознал в их лицах и жестах то пугающе безысходное сочувствие, которое могло означать лишь одно, и поднялся из-за стола.

– Миссис Беллмен... – промолвил он.

И тогда последовала собственно история. Старшая и младшая мисс Янг поправляли и дополняли друг друга, их голоса переплетались, дрожали и срывались, но понемногу картина случившегося прояснялась. Прогулка на прибрежном лугу, поднимается ветер – да такой сильный, чуть не унес шляпку Сьюзен! – возвращение домой коротким путем, поворот за угол, что-то виднеется у живой изгороди – миссис Беллмен! бедная миссис Беллмен! – и рассыпанные ягоды, и эта белая миска – взгляните! – не разбилась, каким-то чудом не разбилась...

Уильям словно со стороны наблюдал за тем, как его дядя выслушивает этот путанный рассказ. У него возникло ощущение, что весь мир неожиданно сбился с правильного пути, но при этом достаточно одного его слова или движения, чтобы все вернулось на круги своя; однако его как будто сковал паралич, язык отказывался повиноваться, и поэтому – только поэтому – он не мог сейчас же восстановить этот мир в его нормальном виде.

Лишь когда старшая мисс Янг повернулась к нему, чтобы еще раз вблизи продемонстрировать чудом уцелевшую миску, язык его вновь обрел подвижность.

– Да, – согласился он. – Я вижу. Ни единой трещины.

В тот вечер – и в последующие дни – Пол не оставлял племянника без присмотра. Он уступил просьбам обеих мисс Янг, непременно желавших принять участие в судьбе юноши, и теперь, по крайней мере, мог быть уверен, что Уиллу не грозят голод, холод или недостаток чистых рубашек. Свою главную задачу Пол видел в том, чтобы все время находить ему какие-нибудь занятия. И это оказалось даже легче, чем он думал. Нужно было срочно решать разные вопросы. На какой день назначить похороны: на среду или на четверг? В какое время? В одиннадцать? Какие гимны выбрать для исполнения? Еще надо было известить брата Доры в Вичвуде и всех прочих родственников. Затем потоком пошли люди с соболезнованиями: певцы из церковного хора, рабочие с фабрики, завсегдатаи «Красного льва», старые девы, которым Уилл когда-то поправлял изгородь, завзятые игроки, с которыми он когда-то резался в карты, мясники, булочники, свечных дел мастера, а также сестры и дочери всех вышеперечисленных. До той поры Пол и не подозревал, что в городке проживает так много хорошеньких девиц. Интересно, был ли во всей округе хоть один человек, не знакомый с Уильямом? Сотни рук протягивались для пожатия, сотни голосов произносили слова сочувствия. «Благодарю, – отвечал им Уильям. – Вы очень добры». И так продолжалось до бесконечности.

Стараниями своего дяди, хлопотливых мисс Янг и всех этих визитеров Уильям никогда не оставался в одиночестве, исключая время, отведенное на сон. И каждый раз, ложась в постель, он испытывал смутную надежду, что по пробуждении найдет мир исправившимся – таким, каким тот был раньше. Затем тянулись бесконечно долгие часы забытья без сновидений, а когда он пробуждался, ничуть не освеженный сном, мир был все тем же, упрямо продолжая движение по неверному пути. Все вокруг казалось мрачным и безотрадным. Стена тумана выросла между ним и его собственным разумом, а за этой стеной неясной тенью маячила мысль: «Когда же наконец все придет в норму?»

Его мама умерла, он сам видел тело; однако его сознание находило миллионы причин, опровергающих этот факт. Мама умерла? Что за чушь, взгляните сюда: вот же ее платье, вот ее чайный сервиз, вот ее воскресная шляпка на полочке над вешалкой. Мама умерла? Но разве вы не слышите скрип садовой калитки? Через какой-то миг она появится в дверях.

Чувство, что все это какой-то пошлый фарс, не оставляло его и в день похорон, а раздражение только усилилось: уж слишком далеко это зашло. Он надевал свой воскресный костюм и парадные ботинки, с минуты на минуту ожидая, что вслед за очередным визитером в дверь войдет мама, живая и здоровая: «Вырядился в будний день? С чего это вдруг?» Когда процессия мужчин двинулась в сторону церкви, обе мисс Янг остались в коттедже готовить чай, чтобы женщины могли помянуть усопшую в своем, по-домашнему уютном кругу. «Она будет здесь к моменту моего возвращения», – подумал он на выходе.



Уильяму доводилось петь на многих похоронах, и он знал обряд назубок. Но сегодня все казалось ему ненастоящим. Он сидел на скамье в переднем ряду – вместо того, чтобы находиться на хорах, как обычно. И сама церковь была не той, к которой он привык, больше походила на театральные декорации: под видом преподобного Поррита выступал какой-то фигляр, а бутафорский гроб мог ввести в заблуждение разве что полных дилетантов. Все это расстраивало и смущало Уильяма. А когда в ходе службы этак фальшиво-сусально прозвучало имя Доры Беллмен, он едва совладал с позывом от всей души заехать псевдопреподобному псевдо-Порриту кулаком в нос.

Голос Уилла привычно вел мелодию гимна – и вдруг сорвался.

Нечто странное творилось у него в груди. И это нечто, болезненно разрастаясь, давило на сердце, сжимало легкие.

Да что же такое с ним происходит?

По инерции прохрипев еще несколько тактов, он перешел на невнятное мычание, а общий хор, вдруг потеряв направляющий голос, пошел вразброд и быстро скатился в какую-то жуткую, болезненную дисгармонию.

Ко всему добавилось еще одно неприятное ощущение. Это был зуд в области верхних шейных позвонков, между воротником и линией роста волос, – принято считать, что таким образом человек реагирует на чей-то пристальный взгляд, направленный сзади...

Уиллу очень хотелось почесать зудящее место, а еще сильнее хотелось повернуться и выяснить, кто же на него так смотрит. «Не забывай, что ты находишься в церкви!» – предостерегающе прозвучал в голове мамин голос. Ослушаться маму он не мог, только не в этот день. И он старался подавить в себе это желание.

Как же так вышло, что он очутился здесь и сейчас? Как вообще могла возникнуть такая странная – такая нелепая – ситуация?

Уже теряя контроль над собой, он вздохнул и потянулся к зудящему месту пониже затылка, однако нечто, давившее на его легкие и сжимавшее сердце, превратило вздох в громкий крик, и он почувствовал, как рука Пола обхватила его за плечи. Дядя продолжал его поддерживать и позднее, когда они вышли из церкви на открытый воздух.

И вот он уже на кладбище. Нежаркое сентябрьское солнце прозрачными лучами-пальцами указывает на гроб и на разверстую могилу. Трудно поверить, что преподобный Поррит и этот гроб всего минуту назад казались ему ненастоящими. Взгляни на них сейчас...

А нечто в его груди продолжало разрастаться и уже достигло горла, так что он не мог проглотить заполнившую рот слюну. Затем оно сковало челюсти и начало давить изнутри черепа на глазные яблоки...

Провожающие Дору в последний путь рассредоточились вокруг могилы. Здесь были ее брат, ее племянники и двоюродная родня; здесь были ее соседи и друзья; здесь были те, кто ее любил и ею восхищался, те, кто распускал о ней сплетни, и те, кто к этим сплетням прислушивался или же их отвергал.

Уилла вдруг насторожило какое-то едва заметное движение. Вон там, позади всех. Человек мелькнул в просвете и вновь исчез за спинами – всего лишь миг, попробуй разгляди...

Так вот чей взгляд не давал ему покоя в церкви! Теперь Уилл в этом не сомневался.

Он перенес вес на одну ногу и чуть-чуть сместился влево в попытке разглядеть незнакомца. Не получилось. Должно быть, и тот сменил позицию. Тогда Уилл медленно, дюйм за дюймом, передвинулся вправо. Между стоящими в последнем ряду показалось чье-то массивное плечо. Он это или нет? Или вон там, где виден край плаща? Но в массе траурно-черных фигур, среди множества скорбно поникших голов, было невозможно отличить одного мужчину от другого.

Пол заметил эти качания из стороны в сторону и, решив, что Уилл близок к обмороку, покрепче ухватил его за локоть.

Нечто продолжало терзать Уильяма изнутри. Его руки тряслись, ноги опасно подкашивались. Холод угнездился в желудке и пополз вдоль спины, грудная клетка не могла расшириться для вдоха, горло было заложено, воздуха не хватало.

Он медленно прикрыл глаза и подумал: «Теперь уже ничто не будет как прежде».

Первое, что он увидел, подняв веки, были солнечные лучи, преломлявшиеся в слезах. Кажется, кто-то подает ему знаки, стоя по другую сторону могилы? Какой-то жест. Предупреждающий? Ободряющий? Уилл сморгнул слезы и прищурился. Похоже на поднятую руку. Широкая складка черного одеяния, согнутые растопыренные пальцы, вынырывающие из рукава. Что еще там сверкнуло? Ослепленный этим внезапным блеском, он отвел глаза и дал им передышку, глядя в мрачную глубину могилы. Одновременно его боковое зрение уловило гигантский взмах черной полы плаща – взмах, затмивший небо и солнце, накрывший тьмою всех людей вокруг и, наконец, самого Уильяма.

Позднее. По некоему молчаливому соглашению в этот вечер заботу об Уилле взяли на себя его друзья с фабрики. Сам он чувствовал себя вялым и опустошенным, не видя смысла прибегать к сидру и виски для дальнейшего расслабления, но друзьям было виднее, и они повели Уилла в «Красный лев». После трех дней слезливого сюсюканья обеих мисс Янг ему действительно пришлось к стати более простой и грубый способ утешения, предложенный фабричной братией. Кувшин сидра на столе вновь наполнялся тотчас после опорожнения. Пришел Фред и сжал его в объятиях, едва не оторвав от пола.

– Твоя мама была прекрасной женщиной. Жаль, не могу посидеть с вами. Пора домой. Я теперь женатый человек, сам понимаешь.

Стригальщики Хэмлин и Гэмбин заглянули в трактир с единственной целью – пожать ему руку; слов их он не разобрал из-за общего шума, но смысл был понятен.

– Благодарю, – сказал им Уилл. – Вы очень добры.

Радж выразил соболезнования тяжелым хлопком заскорузлой ладони по плечу Уилла. А Немой Грег сложил домиком пальцы обеих рук, что символизировало дружеское сочувствие, и этот простой жест растрогал Уильяма сильнее, чем любые многословные излияния. Кто-то уходил, другие появлялись, а Полли, хозяйка трактира, поминутно наполняя кувшин, всякий раз проводила рукой по его волосам, словно он был милым бродячим псом, отныне принятым на довольствие в «Красном льве». В зале он видел много улыбающихся лиц; то тут, то там раздавался смех. Несколько раз уголок его рта непроизвольно дернулся. За соседним столом грянул новый взрыв хохота, рядом кто-то обвинял кого-то в безбожном вранье... Уилл слушал невероятные фантазии о распутстве почтеннейших местных матрон, которыми обменивались собутыльники, доверительно сблизив головы над столом.

– Это про нас, что ли, треп? – Полли по-матерински взъерошила его волосы, невесть в который раз наполняя кувшин.

Течение было сильным, и Уилл отдался на его волю.

На время сидр выключил сознание, переместив его в какое-то тихое место, далекое от окружающего гвалта. Очнувшись, он обнаружил себя распевующим куплеты похабной песенки. Грубым, сиплым, каркающим голосом.

Кто-то перегнулся через его плечо и поставил на стол стакан виски:

– Может, это прочистит твою глотку?

Все его движения были замедленны – каждый раз, поднимая стакан, он на несколько секунд отставал от других. С большим трудом он наскреб слова для ответа подошедшему сыну кузнеца, с которым он когда-то был дружен.

– Люк! Спасибо, что зашел... А ты разве не выпьешь?

Люк скорчил рожу:

– Полли больше не наливает мне в долг.

Его рыжая шевелюра потускнела от грязи, нездорово желтая кожа висела складками.

– Хотя чего там, я ее не виню. – Он пожал плечами. – А ты оклемываешься помаленьку? Видел, как тебя скрутило там, на кладбище.

– А-а... ты тоже там был?

– Я же и вырыл могилу. И я ее закопал, честь по чести. – Он растянул рот, показав черные пеньки зубов. – Постарался как мог. Сделал холмик в лучшем виде.

Что мог Уильям на это сказать?

– Благодарю. Ты очень добр.

– Она была славной, твоя мама. – Здоровый глаз Люка уставился в пространство, возможно видя там маму Уилла, достающую из буфета еду для голодного соседского парнишки. – Ну, пойду я. Сил нету смотреть на то, как люди пьют, а у самого в горле пересохло.

– Я закажу для тебя выпивку. – Уилл, пошатываясь, встал из-за стола.

– Нет нужды.

Люк распахнул полу куртки, продемонстрировав бутылку какого-то дешевого пойла.

– Этим ты себя угробишь.

В ответ – прощальный взмах и новый оскал черных пеньков.

– Не этим, так другим, какая, к черту, разница!

Полли вновь наполнила кувшин. Смех. Чья-то рука на его плече. Пение. Полли ласково треплет его волосы и подливает сидр. Смутно знакомый голос:

– Ну как, легчало тебе, старина?

Снова пение. Полли наполняет кувшин и гладит его руку. Кто-то берет его за плечи и слегка встряхивает, проверяя, не рассыплется ли он на куски. Он не рассыпается. Смех. Пение. Полли наполняет кувшин...

Полная тишина. Уилл открыл глаза. Никого вокруг. Он лежал на скамье под окном «Красного льва»; серое одеяло, которым его укрыли, соскользнуло на пол, и он проснулся от холода. Небо за окном начинало светлеть. Он спустил ноги на пол и встал, издав громкий стон.

Приоткрылась дверь, и в проеме возникла голова Полли с выбившимися из-под чепчика прядями.

– Все в порядке?

Он кивнул.

– Уходишь?

Еще один кивок.

– Тогда я заберу одеяло.

Он пересек комнату, чтобы вернуть одеяло, и с ходу поцеловал ее в губы. На своей узкой кровати она задрала ночную сорочку, еще через миг он вошел в нее, несколько раз качнулся вперед-назад, и дело было сделано.

– Вот и ладно, – сказала она. – Ты возьми немного хлеба, пожужь по дороге. Хлеб в кладовой, на полке над большой бочкой.

Уилл шел к своему дому вдоль живой изгороди. Он отломил кусочек от краюхи, помусолил во рту, проглотил. Почувствовал голод, съел еще кусочек, потом еще, а потом его вывернуло наизнанку – еле успел нагнуться над канавой. «Это к лучшему», – подумал он, ожидая, что в потоке рвоты из него вылетит нечто гадкое, кроваво-зловонное, какой-нибудь полуразложившийся сгусток липкой и темной дряни. Однако его желудок выдал наружу лишь золотистую струю перебродившего яблочного сока да сладкую пену, которую он сплюнул напоследок.

Однако он чувствовал, что внутри еще что-то осталось. Плотное, чужеродное. Это оно самое и есть. Он снова нагнулся над канавой, открыв рот, но оттуда вырвался лишь хриплый, каркающий звук отрыжки: «ГРРАА!»

Грач, сидевший на ветке ближайшего вяза, наклонил голову и взглянул на него с интересом.

Дома он еще около часа подремал и затем отправился на фабрику. Физический труд вместе с обильным потом выгнал из тела остатки алкоголя. Грохот станков и крики рабочих глушили все посторонние мысли. Следующий день он провел в конторе, тринадцать часов просидев за столом в полной неподвижности – кроме пальцев, которые безостановочно щелкали костяшками счетов, – и к концу дня навел порядок в запущенной бухгалтерской отчетности.

Фабрика обладала своей собственной живой энергией, своим особым ритмом, и это давало ему возможность забыться. Подобно челноку станка, тянущему нескончаемую нить, или колесу, приводимому в движение речным потоком, Уилл бездумно, механически выполнял нужную работу. Он никогда не уставал, он очень редко допускал ошибки; закончив одну операцию, он без перерыва приступал к следующей. Проблем со сном не было: он не помнил, как опускал голову на подушку, а восход солнца встречал уже на ногах.

Он старался максимально сократить временной отрезок между концом рабочего дня и отходом ко сну. Иногда по вечерам играл в карты – выигрывал по мелочи, проигрывал такие же гроши. Иногда посещал «Красный лев». Пару раз оставался там после ухода всех посетителей. «Только не рассчитывай, что это войдет в обычай», – предупредила его Полли. По воскресеньям он пел в хоре – все тем же чистым и звонким тенором, – а во второй половине дня несколько раз рыбачил с Полом.

– Эти мисс Янг до сих пор тебя обслуживают?

– Да.

– Хмм.

Он догадывался, что означало дядино «хмм». Эта парочка определенно строила планы насчет Уильяма, что со временем могло привести к осложнениям.

– Я найму женщину, чтобы днем приходила делать уборку и оставляла на плите готовый ужин.

– Хорошая мысль, – одобрил Пол.

В один из первых дней Рождественского поста Уильям разбил мамину чашку. Он ею даже не пользовался, просто слегка задел, и та слетела с полки на выложенный плитняком пол с такой готовностью, будто в ней был заключен некий мстительный дух, только этого и ждавший. Он собрал осколки и захоронил их в саду, а сразу после того ощутил сильнейшее головокружение и жуткую, бездонную пустоту под сердцем.

Это был уже не первый подобный случай. Как раз этот еще можно было объяснить: любимая мамина чашка, недавние похороны, напоминание об утрате и все такое. Но сходное чувство – провал в области солнечного сплетения, тошнота и накрывающая сознание тьма – возникало у него и при других обстоятельствах. Спровоцировать эти приступы могло что угодно: неожиданная помеха или затянувшаяся пауза в работе, слишком раннее пробуждение или просто темнота, если она заставляла его в одиночестве.

Это было сложно описать словами: порой он будто заглядывал в беспредельную, вечную вселенскую пустоту. Наблюдая за окружающими – Полом, Недом, Фредом или Джинни, – он пришел к выводу, что никто из них ни с чем подобным не сталкивался. В иных случаях ощущение принимало форму темной и жуткой твари внутри самого Уилла, и это было пострашнее вселенской пустоты. Что-то мерзкое и гниlostное отравляло его кровь и его мысли. Оставалось радоваться лишь тому, что другие в нем этого не замечают.

С тоской и удивлением он вспоминал времена, когда мир вокруг был приветлив и светел. В ту пору он очень редко болел и быстро поправлялся; он никогда не страдал от голода; повсюду его встречали дружелюбные улыбки; труды его справедливо вознаграждались, а за

его проступками, как правило, следовали раскаяние и прощение. Хотя он был из тех мальчишек, которые вечно нарываються на неприятности, ему хватало ума и ловкости, чтобы из этих неприятностей выпутываться. То небольшое, что могло его напугать или огорчить, осталось в забытых днях детства. Возмужав, он уже не видел причин бояться чего бы то ни было. И вот теперь некая чудовищная рука одним махом содрала благостную обертку с этого сказочно прекрасного мира, открыв бездну у него под ногами.

Впрочем, он был не так уж беспомощен и незащищен. Он мог сопротивляться, используя три эффективных средства: сон, выпивку и работу, причем последняя была самым мощным оружием в этой триаде.

Уильям и прежде не позволял себе лениться, но сейчас он старался не проводить ни минуты без какого-нибудь дела. Страх перед бездействием побуждал его хвататься за любую работу и заставлял нервничать, если таковая вдруг завершалась чуть раньше, нежели он рассчитывал. Со временем он приучился заранее составлять список всяких второстепенных дел, которыми можно было заполнить опасные паузы в течение дня. Специально для этих записей он обзавелся блокнотом в переплете из телячьей кожи, купленным по случаю на оксфордской Терл-стрит во время одной из деловых поездок. С этим блокнотом он был неразлучен – постоянно держал его под рукой на письменном столе, когда находился в конторе, или носил в кармане при перемещениях по фабрике и за ее пределами. Ночью блокнот лежал на тумбочке у его изголовья и был первой вещью, которую Уилл брал в руки по пробуждении. Иной раз, когда кошмарная тварь уже тянула к нему свои лапы, одного лишь прикосновения к кожаному переплету бывало достаточно, чтобы сдержать ее, пока Уилл срочно искал себе занятие.

Приступы накатывали и проходили; и он боролся с ними, как только мог. А после каждого приступа, жадно хватая ртом воздух и сотрясаясь от бешеного сердцебиения, он надеялся, что на этом все и закончится.

Прошло три месяца после похорон. Внешне он был тем же Уиллом, каким его все привыкли видеть: бодрым, улыбчивым, жизнерадостным. Только Пол, общавшийся с ним чаще и теснее других, заметил, что в последнее время он стал как-то слишком уж рьяно налегать на работу. Пол настоятельно советовал ему отдохнуть – погулять на природе, порыбачить или съездить в гости к родственникам. Но Уильям избегал одиночества с таким же упорством, с каким он избегал праздности. С виду он был полон кипучей энергии. Но внутри его скрывался другой человек, неведомый даже ему самому; и этот человек шел по жизни с пугливой осторожностью, как по зыбкой трясине, которая в любой момент может разверзнуться под его ногами.

## &

Молодого грача можно узнать по гладкому черному клюву. С годами клюв приобретает гранитно-серый оттенок, а у его основания образуется бугристый – и, скажем прямо, уродливый – нарост. Поверья приписывают эту метаморфозу неким колдовским проискам: якобы заклятие должно было целиком обратить его в камень, но коснулось лишь клюва до того, как грач-ловкач сумел ускользнуть. Куда прозаичнее это объясняется самим образом жизни грача. На любой инструмент приятно взглянуть, когда он только что выкован кузнецом; но поработайте им несколько лет – вспахивая землю, дробя черепа и кости, убивая и разделявая морских животных, – а потом сравните его вид с тем, что был вначале. Грачиный клюв идеально подходит для добывания пищи, но сам этот процесс его неизбежно уродует.

В умении выживать грачу не откажешь. Его предки населяли планету задолго до появления человека, о чем можно судить хотя бы по его голосу: этот хриплый, скрипучий крик принадлежит к более древнему миру, не знавшему свирели, лютни и виолы. Еще до изобретения музыки его обучала пению сама планета. Он подражал рокоту морского прибоя, гулу вулканических извержений, треску сползающих в океан ледников и утробным стонам земли, когда она в корчах и муках пыталась перекроить себя заново. При таких исходных данных стоит ли удивляться тому, что грачиное пение лишено мелодичности, присущей тем же дроздам, усаждающим наш слух в весеннем саду. (Но если представится такая возможность, прислушайтесь к звучанию неба, когда в нем полным-полно грачей. Это не то чтобы красиво; но это воистину впечатляет.)

Многовековая школа выживания дала грачу отменную закалку. Он может летать под проливным дождем и при штормовом ветре. Он танцует среди молний, а гром небесный вызывает у него ответное неистовство. Он преспокойно парит в разреженном воздухе над горными пиками и совершает перелеты через безводную пустыню. Чума, голод и кровавые побоища – все это хорошо знакомо грачу. Он видел их прежде и знает, как извлечь из них пользу. Ибо грач способен прекрасно устроиться в любом месте. Он улетает, куда захочет, и прилетает, когда ему вздумается. Всякий раз с громким хохотом.

Температура, высота, опасность... Эти вещи могут стать преградой для человека, но не для грача. Его горизонты гораздо шире. Вот почему именно грачи сопровождают души умерших через плотный туман неизвестности в то место, где воздух не нужен, а жажда не имеет значения. Поместив туда очередную расставшуюся с телом душу, грач возвращается – не преминув по пути угоститься драконьей печенью и языком единорога – в наш с вами мир.

Когда грачи собираются в превеликом множестве, для этого есть самые разные названия. Кое-где используют выражение «грачиный гам».

## 13

Месяц за месяцем проходили со дня похорон Доры Беллмен, и вот прошел без малого год. Как-то раз после воскресной службы, дабы занять время, Уильям отправился в гости к своему дяде по материнской линии, владевшему фермой в Вичвуде, в семи милях от Уиттингфорда. По пути туда он размышлял о предстоявшей через несколько дней встрече с поставщиком деталей для прядильных машин, пытаясь предугадать его возражения по условиям сделки и продумывая свои ответы. К тому моменту, когда его конь въехал во двор фермы и остановился перед массивным каменным домом, он завершил воображаемый разговор к вящему удовлетворению обеих сторон – и поставщика, и фабрики. Время было потрачено с пользой.

Прогулявшись и осмотрев дядину ферму, они собрались перекусить – свежий хлеб, сливочное масло и булочки с тмином уже были на столе, – когда дверь кухни распахнулась и послышался дробный топот. Мальчуган лет шести-семи выпалил, задыхаясь после быстрого бега:

– Там наша лучшая корова свалилась в яму. Одним нам ее никак оттудова не вытянуть. Просили еще позвать мистера Томаса. Прямо сейчас, пожалуйста. Мне велено быть вежливым, но без подмоги не приходиться.

Уилл поднялся из-за стола вместе с дядей, вернув на тарелку едва надкушенный бутерброд.

Дренажный канал был глубок, с коричневой жижей на дне. Его склон обвалился под весом коровы, и неудивительно – ведь он на три четверти состоял из камней, а трава, корни которой могли бы его скрепить и удерживать, здесь не прорастала. Уилл быстро огляделся, оценивая ситуацию. Вдоль канала шла изгородь – вероятно, сооруженная после предыдущего оползня, – но часть ее рухнула вниз вместе со злосчастной коровой. Последняя была одним боком прижата к склону, а с другой стороны придавлена осыпавшимся грунтом и теперь отчаянно дрыгала единственной свободной ногой, в меру сил затрудняя спасательные работы.

Двое парней – примерно ровесники Уилла – отбрасывали лопатами землю, а в непосредственной близости от перепуганной буренки приходилось копать голыми руками. На дне канала мужчина средних лет пытался успокоить свою любимицу, поглаживая и похлопывая ее ладонью по боку. Плечистый и крепкий, он стоял по колено в грязи (что мешало оценить его рост), светлые волосы на лбу и висках потемнели от пота.

– Мы не можем сдвинуть ее с места, – произнес он таким тоном, что стало уже непонятно, кто из этих двоих, человек или корова, испытывает наибольшие муки.

Скинув куртку, Уилл спустился на дно канала.

– Я так понимаю, вы хотите расчистить землю, подсунуть что-то ей под брюхо и потом поднимать на руках?

– Похоже, другого способа нет.

Уилл обернулся к мальчугану:

– Еще лопаты найдутся?

Тот снова умчался в сторону дома.

Работа закипела. Поначалу серьезной помехой была свободная нога коровы, которой та молотила без устали, не понимая, что ей пытаются помочь. Но после того как на ногу накинули петлю, сделанную из вожжей, корова смогла выражать свой протест лишь мычанием, и дело пошло быстрее.

Мальчишка принес лопаты, и Уилл тут же дал ему новое задание: освободить от остатков поперечных жердей столбы сломанной изгороди. Мужчины между тем работали лопатами, а затем руками выгребали из-под коровьего брюха стылую грязь вперемешку с камнями. Трудн-

лись молча; лишь изредка сосед-фермер, распрямив спину и поведя плечами, со страдальческой гримасой утешал животное:

– Не волнуйся так, все будет хорошо, вот увидишь...

Наверху объявилась стайка ребят, примчавшихся поглазеть на катастрофу.

– Прочь отсюда! – погнали их, но минут через пять зрители вернулись. – Пошли прочь!

И все равно любопытство брало верх. Они подбирались ближе и ближе к краю, пока не возникла реальная опасность нового оползня, что разом свело бы на нет все усилия взрослых.

Уилл вполголоса дал совет владельцу коровы, и тот кивнул.

– Эй, ребятня! – позвал он. – Вот вам задание: бегите на ферму и скажите моей жене, чтобы дала вам инструменты. Потом снимите с петель дверь погреба и тащите ее сюда.

Им поручили важное дело! Снять с петель дверь погреба! Мальчишек как ветром сдуло.

Провозившись более двух часов, они наконец смогли подsunуть под корову столбы от изгороди. К тому времени массивная дверь уже примчалась к ним через поле на дюжине резвых ног. Шестеро мужчин, по двое на каждый столб, поднатужились и вытянули корову из грязи. О том, чтобы сразу вернуть ее на родное поле, не могло быть и речи – слабый склон просто не выдержал бы их общего веса. Поэтому корову подняли на противоположный край канала, через который в самом узком месте перекинули дверь в качестве мостика.

– Ну, вот видишь, милая? Что я тебе говорил?

Ощутив под всеми четырьмя ногами твердую почву, корова без лишних понуканий перешла по временному мосту на свою сторону, с некоторым недоумением огляделась – и начала щипать траву как ни в чем не бывало.

– Похоже, она в полном порядке, – сказал дядя Уильяма.

Работники отдувались и выгибали натруженные спины.

– Уилл, это Том Уэстон. Том, это мой племянник Уилл.

– Рад знакомству.

Руки обоих были слишком грязны, да и после таких совместных трудов рукопожатие стало бы излишней формальностью.

– Не заглянете к нам? – Том Уэстон поднес руку к губам жестом, изображающим опрокидываемый стакан.

Мужчины приняли приглашение.

Когда они подошли к ферме Тома Уэстона, навстречу выбежала женщина – красивые голубые глаза с улыбочивыми морщинками и никаких признаков седины в светло-русых волосах. Очень приятная женщина, вот только очень встревоженная.

– Вытащили?

Да, да, с коровой все хорошо, снова пасется в поле. Никакого ущерба, только куча времени потеряна да шестеро человек изнывают от жажды. Ах да, это вот Уильям Беллмен из Уиттингфорда, племянник Джеффри.

Она улыбнулась с облегчением, а затем еще раз – уже Уиллу. Зубы у нее были ровные, но со щербинками. Впрочем, ее это ничуть не портило.

– Роза! – крикнула она в глубину дома. – Накрывай на стол. Хлеб, масло и копченый окорок. И сладкий пирог не забудь!

На кухне мужчины сняли рубашки, обтерлись полотенцами и расшнуровали мокрую обувь. Жена Тома подкинула в печку дров, а Том, верный своему обещанию, наполнил стаканы чем-то горячительным.

– Вы ведь не собираетесь на ночь глядя ехать в Уиттингфорд, мистер Беллмен? – спросила жена Тома, развешивая над очагом сырую одежду.

Узнав, что он все же намерен ехать, она снова крикнула:



– Роза! Здесь молодой человек, мокрый с головы до пят, собрался скакать верхом в Уиттингфорд. Займись в первую очередь его ботинками. Пусть они хоть немного подсохнут до отъезда.

Звон посуды и столовых приборов в соседней комнате стих, и на пороге появилась девушка. Светлые волосы, голубые глаза – копия матери.

– Может, подберем что-то из дедовой одежды, Роза? Как думаешь, ему подойдет?

Девушка смерила его взглядом:

– Думаю, да.

Затем она посмотрела ему в глаза, спокойно и прямо:

– Надеюсь, вас не очень раздражает запах нафталина?

– Ничуть.

Девушка отправилась за одеждой.

– Я все верну в следующее воскресенье, – пообещал он миссис Уэстон.

Уже из соседней комнаты девушка бросила на него взгляд через плечо и улыбнулась. Между передними зубами у нее была очаровательная щербинка.

Накануне Пол обстоятельно проинструктировал его по поводу нового контракта с Индийской общеторговой компанией, а сегодня вдруг выяснилось, что Уилл не помнит ни слова из сказанного. Пришлось повторять все заново.

– Ага, – сказал Уилл, – теперь понятно.

И снова уткнулся в грассбух.

– Случилось что-нибудь? – спросил Пол.

– Да нет, ничего.

Однако Уилл определенно был в нерабочем состоянии. Что-то мешало ему сосредоточиться. Посему Пол решил позвать его на рыбалку. Быть может, воскресным вечером на берегу реки ему удастся разговорить племянника и выведать, что с ним такое стряслось. Но, услышав предложение Пола, тот неожиданно воспротивился. Нет, в этот раз он не сможет пойти, у него намечено одно дело.

Ну что ж, он хотя бы попытался. Что бы там ни было, со временем все утрясется. В любом случае, даже работая вполсилы и слушая вполуха, Уильям приносил фабрике немалую пользу.

Заветный блокнот Уильяма не был открыт ни разу в течение этой недели. Теперь ему не требовалось заполнять каким-нибудь делом освободившиеся минуты, поскольку каждая его минута была уже заполнена мыслями о Розе. Ее глаза, ее волосы, ее зубы – он мог часами воображать, как его язык скользит по этим чудесным зубам. Да и во всем остальном девушка полностью соответствовала его идеалу. Она была хорошо сложена, с какой стороны ни смотри. После первого – прямого и открытого – взгляда она ни разу, вплоть до момента прощания, не подняла глаза на Уильяма. Никакого кокетства – да Розе и некогда было кокетничать: она набила ботинки мешочками с рисом, чтобы скорее вытянуть влагу, резала хлеб и мясо, разливала по кружкам чай, приносила сладкий пирог, корчила смешные рожицы малютке-сестре, грозила пальцем младшим братьям, каждый из которых норовил стянуть кусок пирога с тарелки другого. Но уже по тому, как она избегала смотреть на Уилла, чувствовалось, что ей нравится ловить на себе его взгляд.

Та самая щербинка меж зубами Розы на поверку оказалась ничуть не менее приятной для языка, чем Уилл представлял в своих фантазиях.

– Каждый раз, когда ты улыбаешься, я вижу эту щербинку и не могу удержаться от поцелуя, – сказал он.

– Ну тогда поцелуям конца не видать, – ответила Роза, – потому что я улыбаюсь все время!

Так оно и было. И эту самую фразу она произнесла с улыбкой. Он вновь ее поцеловал.

Сколько же воскресений прошло? Три, включая день первого знакомства. То есть всего-то пара недель, но их он провел в совершенно другом мире.

Поцелуи, объятия и ласки продолжались под деревом на краю поля. Его пальцы уже нашли все, что нужно, под ее нателным бельем; ее пальцы не отставали в этих изысканиях. Получив и доставив друг другу наслаждение с помощью рук, они не собирались останавливаться на этом.

– Я хочу... – начал он.

– И я тоже, – подхватила она.

Проблема заключалась в том, что после достопамятного спасения коровы и вечера, проведенного у них в гостях, Уилл проникся симпатией к этим людям и менее всего хотел бы причинить им боль. Такая милая, добросердечная женщина, первым делом позаботившаяся о его мокрой обуви. Обидеть ее? Это было немыслимо. А ее заботливый муж, у которого всегда найдутся слова утешения даже для перепуганной бессловесной твари? Нет, так не годилось. Это была счастливая дружная семья, и он просто не мог разрушить идиллию, тайком соблазнив их дочь.

Однако, однако, однако. До бесконечности так продолжаться не могло. Блаженство или катастрофа, называйте это как хотите, но рано или поздно неизбежное должно было случиться. Оставался один достойный выход.

И в четверг, посреди рабочего дня, находясь в сушильном цехе, он принял решение.

– Дядя Пол!

Пол тревожно привстал, когда Уильям ворвался в его кабинет с этим криком.

– Что такое?

Он уже приготовился услышать трагическую новость: загублена партия ткани, кто-нибудь обгорел или утонул...

– Дайте мне лошадь. Я еду в Вичвуд.

– Прямо сейчас? С какой целью?

– Там есть одна девушка. Я должен на ней жениться.

– Что, сию минуту? Так дела не делаются. Ну-ка, присядь.

Но Уильям не пожелал садиться. Он даже не убрал руку с дверной ручки, готовый отбыть сразу, как только получит разрешение. Пол начал задавать вопросы, но вразумительных ответов не добился. Что они за люди? А эта Роза – чем она обычно занимается на ферме? И почему Уилл прямо-таки должен на ней жениться?

В Вичвуд они поехали вместе. Пол убедился, что Уэстоны хорошие, достойные люди. Уэстонам пришлось по душе то, что они увидели в Поле. Во время их беседы Уилл и Роза, бледные от волнения, сидели на скамье у дальней стены, держась за руки. Свадьбу решили сыграть через две недели.

## 14

Планам, которые парочка мисс Янг строила насчет Уильяма, не суждено было сбыться. На последней холостяцкой пирушке в «Красном льве» Полли потрепала его по загривку, как домашнего пса:

– Девчонка, знать, собой недурна? – и, услышав ответ, заключила: – Вот и ладно.

Прядильщицы дразнили его безжалостно, так что вогнали в краску. Но их можно было понять: тешились-то напоследок, с женатым мужчиной уже не очень пофлиртуешь. И по всей фабрике, куда бы он ни пошел, рабочие жали ему руку с поздравлениями, пожеланиями и шутливыми предостережениями. Немой Грег подарил ему пару фигурок, жениха и невесту, искусно сплетенных из соломы.

На главной улице городка Уильям повстречал Джинни и Фреда, гулявших под ручку, – она порядком раздобрела, а он и вовсе заплыл жиром, лоснясь от сытости и довольства.

– Рады слышать новость, Уильям! Семейная жизнь – это прекрасно!..

– А это прислал Чарльз, – сказал Пол, протягивая письмо, в котором, помимо поздравлений, сообщалось, что Чарльз высылает картину – пейзаж Венеции – в подарок Уильяму и его молодой супруге, чтобы украсить их жилище.

Возвращаясь с мальчишника после полуночи, накануне дня свадьбы, Уильям в темноте не разглядел какого-то бродягу, сидевшего на корточках у стены. Налетев на препятствие, он едва не упал, отчаянно замахав руками, чтобы сохранить баланс. Бродяга завалился набок, издав глухое ворчание; брякнула опрокинутая бутыль.

– Люк? Это ты, Люк?

– Кто здесь?

– Это Уилл Беллмен.

Люк не спешил подниматься, шаря руками по земле. Наконец раздался слабый стеклянный звук и довольный возглас. Значит, бутыль не разбилась. Состояние Люка, судя по мощному алкогольному выхлопу, было таково, что он вряд ли узнал Уильяма, если вообще заметил чье-то присутствие. Уилл взял его за плечо – сейчас он казался еще тщедушнее, чем был в детстве, – и легонько встряхнул:

– Ты в порядке, Люк? Где ты нынче обретаешься?

Последовало долгое молчание, и Уилл уже было решил, что пьянчужка вновь погрузился в сон, но тут Люк подал голос:

– Я помню...

Продолжить он не смог и перешел на язык жестов, при его трясущихся руках такой же маловнятный, как и его речь. Поплевав себе на ладонь – во всяком случае это можно было истолковать именно так, – он с пьяной старательностью свел вместе подушечки большого и указательного пальцев, смочил их слюной и начал тереть друг о друга. Полная бессмыслица. Напрягшись, Люк выдал из себя еще несколько звуков, в сумме похожих на слово «ро-гат-ка», и удовлетворенно икнул.

Уильям ждал дальнейших пояснений, но их не последовало.

– Завтра я женюсь, – сообщил он.

Никаких признаков того, что Люк его услышал. Постояв еще немного, Уильям собрался продолжить путь, когда вновь послышался голос Люка:

– А ты-то помнишь? Я помню...

Уильям оставил его и пошел домой. Его ждала последняя одинокая ночь в холостяцкой постели.

– Завтра я женюсь, – сказал он своему дому, переступая порог.

– Завтра я женюсь, – сказал он свече у постели, перед тем как ее задуть.

– Завтра я женюсь, – прошептал он подушке, опуская на нее голову.

А в последний момент перед погружением в сон ему вдруг вспомнилась фраза Люка, сказанная той пьяной ночью в «Красном льве»: «Я ее закопал, честь по чести».

Но и это воспоминание не помешало ему уснуть. Завтра он женится.

## 15

Уильям Беллмен больше не устраивал попойки в «Красном льве». Он больше не играл в карты с подмастерьями из сукновальни. Он погасил все долги, и ничто не отягощало его совесть. Та часть жизни осталась позади. Ему было двадцать шесть лет, он имел стабильный доход и крепкое здоровье, при этом пользуясь всеобщей любовью и уважением. После пяти лет семейной жизни он находил еще больше причин для влюбленности в свою жену, чем в день их свадьбы; а если порой и случались споры, то они были краткими, беззлобными и в конечном счете продуктивными. Их дочь Дора была здоровой, смысленной и любознательной девочкой, а их младший сынишка, по доброй семейной традиции Беллменов названный Полом, рос крепышом и смеялся без устали.

Судьба благоволила к Уильяму Беллмену. Даже незнакомые люди, впервые увидев его на улице, тотчас про себя отмечали: «Вот человек, который полон сил, счастлив и удачлив во всем». Об этом свидетельствовали и его манера держаться, и каждая деталь его облика, от ботинок до шляпы.

Сам Уильям, конечно же, не мог не сознавать свою удачливость, но, будучи по преимуществу человеком действия, предпочитал просто наслаждаться выпавшим на его долю счастьем, не вдаваясь в особые размышления по этому поводу.

Но далеко не ко всем судьба была столь благосклонна.

Ранним зимним утром кто-то забарабанил в дверь коттеджа. Уилл приоткрыл ее, впустив в прихожую порыв снежного ветра. На крыльце стоял Немой Грег, обсыпанный снегом, дрожащий, с тревогой в глазах.

Что могло случиться? Пожар? Авария? Волнения среди рабочих исключались: если бы таковые назревали, Уилл был бы в курсе. Тогда, может, какие-то козни конкурентов, порожденные банальной завистью...

Уильям натянул одежду поверх ночной рубашки и вместе с Грегом побежал на фабрику. Когда они приблизились к фабричным корпусам, Грег схватил его за руку. Не туда. Для пояснения он описал рукой широкий круг в морозном воздухе, – стало быть, водяное колесо.

Небо и земля слились в одно целое – повсюду был только снег. Единственными темными пятнами на этом фоне были старые дубы, на верхних ветвях которых чернели комья прошлогодних грачиных гнезд. У плотины их поджидала небольшая группа рабочих из числа тех, кто не имел собственного жилья и ночевал на фабрике. В холодную погоду они обычно собирались у большой печи для нагрева прессовочных листов – погашенная после работы, печь еще держала тепло далеко за полночь. А в самые сильные морозы их спасала сукновальня, где стояла густая вонь, зато бочки, в которых шел процесс ферментации, всегда были теплыми.

Уильям стал с ними рядом, глядя на водяное колесо. Что-то его заклинило. Скорее всего, крупная ветка с прибрежного дерева, обломившаяся под весом снега. Или рассыпался штабель на лесопилке Фэрраха, одно из бревен скатилось в реку и доплыло по течению до фабрики. Или какие-то отпетые гуляки стащили бочку пива, выхлебали ее за милую душу, а потом и концы – то есть бочку – в воду.

Уилл снял пальто и пиджак. Если дольше колебаться, будет только хуже. Он соскользнул в воду и сморщился, как от боли: казалось, сотни ледяных игл разом вонзились в тело. Торопясь, пока холод не сковал движения, он добрался до колеса и сквозь брызги и пену пригляделся к застрявшему в нем темному продолговатому предмету, стараясь уточнить его длину и расположение. Ухватиться надо было с первого раза: потом руки онемеют и он перестанет контролировать свои действия. Примерившись, он запустил руки в глубину, вцепился в предмет и потянул.

Первая попытка дала лишь минимальный сдвиг, но после второй колесо было освобождено. При этом рывке из-под воды взметнулся сжатый кулак и ударил его по губам. В первый миг Уильям даже подумал, что это его собственная рука, онемевшая до бесчувствия. Следующим рывком утопленник был перемещен к плотине, где его схватили за одежду рабочие, а Немой Грег протянул руку Беллмену. Вытащили их одновременно; ледяная вода струями сбегала с двух тел, мертвого и живого.

– Что здесь происходит? – Это прибежал Пол, также получивший тревожное известие. – Боже правый! Кто это? Знаете его? – Не дожидаясь ответа, он повернулся к Уиллу. – Ведите его домой быстрее, пока не замерз до смерти! Его надо срочно обсушить и согреть.

Уильям чувствовал жжение глубоко в груди. Самостоятельно он идти уже не мог, и двое мужчин повели его под руки – или, скорее, поволокли, так как он едва переставлял ноги.

Тем временем оставшиеся на берегу люди перевернули утопленника лицом вверх.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.